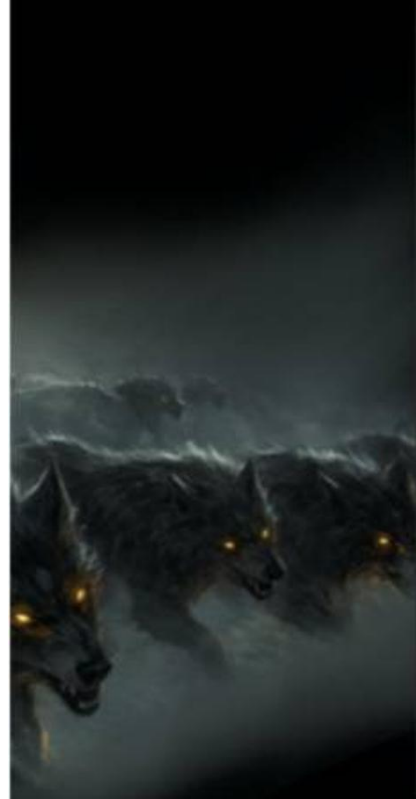

М.МИРА ТАЙМАЗОВА

АДАТЫ ВЕРНОСТИ

Мира Таймазова
Адаты верности

«Автор»

2026

Таймазова М.

Адаты верности / М. Таймазова — «Автор», 2026

ОНИ ДАЛИ СЛОВО. ОКАЗАЛОСЬ, ЭТО БЫЛО ПРОКЛЯТИЕ. В суровых горах, где нет места слабости, а законом является только АДАТ, просыпается Тьма. Монстр Ххурттама терроризирует аул Эялу, а за ним стоит куда более страшная сила, пьющая жизнь самой земли. «Адаты Верности» — это эпическая сага, в которой ярость северных саг встречается с глубиной кавказского эпоса. Мир, где долг и дружба проверяются не в бою, а в сердце, а цена слова равна цене крови. Полную аннотацию можно прочесть в ознакомительном фрагменте.

© Таймазова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

М.Мира Таймазова	5
Адаты верности	5
Лекетия — земля, дышащая камнем.	6
Часть первая	10
Тень над Эйялу	10
Глава 1. Костры и тени	10
Ледяной ветер	13
Глава 2. Клятва и кости	14
Литые свитки вечности	19
Глава 3. Земля и железо	20
~	23
Эхо в ущелье	27
Глава 4. Бремя слова	28
Песнь ветра	31
Глава 5. Глина и пепел	32
~	36
Узел над пропастью	38
Часть вторая	39
Дорога испытаний	39
Глава 6. Шепот камней	40
~	42
Камень-предатель	45
Глава 7. Раны прошлого	46
~	49
Тень от горы	52
Глава 8. Пламя и прах	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Адаты верности

М.Мира Таймазова

Адаты верности

Книга первая из цикла Семь узлов времени

ОНИ ДАЛИ СЛОВО. ОКАЗАЛОСЬ, ЭТО БЫЛО ПРОКЛЯТИЕ.

В суровых горах, где нет места слабости, а законом является только АДАТ, просыпается Тьма. Монстр Ххурттама терроризирует аул Эялу, а за ним стоит куда более страшная сила, пьющая жизнь самой земли.

Трое чужаков — молчаливый воин Радан, яростный лучник Дивир и хитрый болтун Симарв — оказываются единственной надеждой обреченного селения. Им предстоит не просто сразиться с нежитью, но и отправиться в путь, полный смертельных опасностей, чтобы найти источник зла.

Их ждут проклятые аулы, где по ночам шепчут стены. Древние духи, требующие немислимую цену. И битва не с монстрами, а с демонами в собственных душах.

Потому что самое страшное в этих горах — не то, что скрывается во тьме. А то, что ты обнаружишь в себе, когда свет погаснет.

«Адаты Верности» — это эпическая сага, в которой ярость северных саг встречается с глубиной кавказского эпоса. Мир, где долг и дружба проверяются не в бою, а в сердце, а цена слова равна цене крови.

Сила их верности станет единственным оружием против надвигающегося мрака. Но хватит ли ее, когда каждый шаг стоит чьей-то жизни?

~

Эта книга выросла из тишины,
оставшейся после тебя.

Посвящаю светлой памяти
моей мамы, Мадины.

Ты — мой первый и главный аул.

~

В горах не выживают сильнейшие. Выживают те, чья тень не длиннее их совести.

~

Лекетия — земля, дышащая камнем.

Если эти строки читает кто-то другой, значит, ветра Лекетии донесли до вас мою историю. Историю о земле, что звалась Лекетией, — крае, который я любила всем сердцем. Он лежал среди седых гор, подпирающих небо, а у его подножия плескалось Дарубандское море, темное и древнее, как первые сны мира. Это была земля, что дышала камнем, и мы, ее дети, учились дышать вместе с ней.

Мы были разными — словно переливы одного камня на солнце. У каждого народа — своя судьба, свой нрав и свои боги.

Маар — это мой народ, дети ущелий. Наши нуцальства — Аскархукмат, Хозонети — не просто крепости, а продолжение скал, что горы родили вместе с нами. Наш язык тверд, в нем слышны скрежет камня и крик орла.

Вулгуни — народ, чья душа отлита из стали. Их бакчийства, вроде Гумика, выросли в скалы корнями. Они слышат музыку в ударе молота о наковальню.

Кабган — народ, в чьих жилах течет соленая кровь моря. Их майсумства, подобные Таваспарану, открыты всем ветрам. Говорят они цветисто, а смех их звенит, словно монеты в кошель.

Дарго — народ Закона. Для них древний адат — свод наших обычаев — выше воли любого правителя. Их уцмийства — Хайдак и знаменитый Зерихгеран, кузня лучших клинков Лекетии. Слово даргойца тяжело и весомо, оно падет в душу, как камень в глубокий колодец.

Кюрин — народ огня. Их гнев стремителен и ярок, как летняя гроза. Они не ищут обходных троп — их путь всегда прямой, даже если ведет в пропасть.

Махадбыр — народ тишины. Они живут так высоко, что боги слышат их шепот. Их мудрость прозрачна и безжалостна, как старый лед.

Камак — народ простора. Их песни широки, как степь, а сердца щедры. Они не прячутся в скалах, их дом — весь этот мир под раскидистым небом.

И как народы различались нравом, так и боги, ими чтимые, носили разные имена и лики. Мы, маар, зывали к солнцеликому Цобу и молили о милости верховного Бечеда. Вулгуни чтили небесного Зала и внимали советам Чассажу — Матери Ветров. Дарго знал, что у ветров есть своя повелительница — Щуорла ГІяйша, и почитал Куне — хранителя очага. Кабган чтил грозного Умчара, чей глас раздавался в громе над пенными валами. Кюрин взирал на верховное светило — Рагъ, а в громе слышал голос Алпана. Махадбыр шептал молитвы своему Ййнишу. А камак, кочуя вдоль рек, заклинали милость Суванасы — могучей Матери Вод, и возводили очи к вечному синему Тенгри. Так, под сенью разных имен, но единой воли, жили мы все — дети Лекетии.

Но был один язык, что стягивал все наши народы, будто стальная пряжка ремни доспехов, — урукха. Язык завоевателей.

Когда-то, в эпоху, о которой теперь помнят лишь сказы да клятвы, звучавшие в священных рощах, у нас был иной общий язык — древнее наречие, на котором договаривались между собой первые нуцалы и бакчи. Он был полон смыслов, рожденных самими горами, и в нем для каждого понятия находилось слово, точное, как удар клинка. Но легионы с запада принесли с собой не только сталь, но и урукха. Они сожгли свитки и запретили старую речь на площадях и в судах. Древний язык был почти забыт, сохранившись лишь в молитвах да в самых сокровенных разговорах старейшин о крови и чести рода.

Мы ненавидели урукха за его гортанные команды, но столетия спустя вынуждены были признать: урукха — это мост через пропасти наших ущелий. На нем торгуют камакский скотовод и кабганский рыбак. На нем договариваются нуцал и бакчий. Это язык необходи-

мости, язык памяти о том, что разобитых горцев покорить легко. И пока мы говорим на урукха, мы помним этот урок.

Все мы жили в аулах, вращаясь в склоны. Мы складывали жилища — сакли — террасами, одно над другим, пока весь аул не становился похож на великую каменную лестницу, поднимающуюся к облакам. Крыша одной сакли была двором для другой. Мы видели лица соседей, слышали дыхание их очагов, зная, что мы — одно целое.

Сердцем любого аула был годекан — площадь, где аксакалы в высоких папах вершили суд по адату. А вечерами, при свете чирага, мы ели хинкал с дымящимся мясом, заворачивали в тонкое тесто чуду и запивали все это хмельной бузой или терпким мачча, говоря о вечном.

Именно в таком ауле, Эялу, в землях вулгуни, все и началось. Тень подкралась к чужому очагу, и три сердца, такие разные, забились в унисон, бросив вызов тьме. Я расскажу вам о них. О тех, кого свела судьба на краю пропасти.

ЛЕДЯНОЙ ВОПЛЬ ВОРВАЛСЯ В БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ, РАЗРЫВАЯ ЕДИНЕНИЕ.

Не звук — лезвие изо льда и отчаяния. Он пронзил Алмасты, вырвав ее из бездны, где не было ни тела, ни мысли. Ее дух, застигнутый врасплох, метнулся к источнику — и увяз в чужом кошмаре.

Заброшенный аул. Годекан, некогда сердце жизни, застыл в мертвом оцепенении. На нем — отрок, приникший к горящему факелу, будто к последнему якорю в бушующем море тьмы. Пальцы судорожно сжимали древко, веки сомкнуты — словно один лишь взгляд мог призвать нечто, чему не должно быть имени.

— Эбель! — его шепот был тонким лезвием, режущим тишину.

Из мрака возникла она. Мать. Не бежала — плыла над землей, подхваченная вихрем отчаяния. Вмятина на щеке, разорванный рукав.

Ее руки впились в плечи мальчика, проверяя, цел ли... и тут, где-то на окраине, ночь распорол вопль, от которого стыла кровь.

— Тируч! — выдохнула она, вкладывая в имя всю свою уходящую силу. — Беги в аул Архинда! Пусть тамошние аксакалы знают — она близко!

Он рванулся к ней, попытался открыть глаза, но мать грубо схватила его за руку.

— Не смотри! Доверься мне!

Она рванула его за собой. Тень сомкнулась за их спинами, поглощая сакли. Свет факела отступал, сжимаясь до зыбкого островка вокруг двух лиц — искаженного ужасом и застывшего в ярости.

Они вырвались на тропу и замерли. Чернота, густая, как деготь, сгустилась впереди, живая и ненасытная, поглощая саму дорогу. Они замерли на краю этого небытия. Женищина резко оттолкнула сына за спину, заслонив его собой; ее взгляд метнулся по сторонам, высматривая невидимую угрозу в кромешной тьме.

Она обернулась к нему, губы уже складывались для последнего наказа, последнего слова... Но слова не прозвучали.

Из черноты, что клубилась у них за спиной, вырвалось нечто. Тень? Лапа? Порождение ночи? Алмасты не разглядела — лишь почувствовала стремительный, беззвучный бросок. Женищину рвануло с тропы, ее фигура на миг мелькнула в воздухе, и тут же крик — короткий, обрывающийся, пронзительный — был поглощен все той же ненасытной мглой. Резко. Бесповоротно. Как будто ее никогда и не было.

Тируч остался один. Все так же не открывая глаз. Его тело сжалось в комок.

— Эбель! — его голос был тонким, потерянным шепотом. — Эбель! Эбель!

Ответом ему был лишь гортанный, сухой стрекот, донесшийся из темноты. Звук, похожий на скрежет перетираемых каменных жерновов. Мальчик затрясся, вжался в себя, воля его была сломлена.

И в этот миг пламя факела с шипением погасло, словно его задудло невидимое исполинское чудовище. Последний островок света исчез. Все погрузилось в абсолютную, безнадежную тьму.

Видение отступило, оставив в душе ледяную зазубренную рану. Алмасты содрогнулась, пытаясь удержать образы, но хрупкое равновесие Единения не выдержало вторжения чужого ужаса, как тонкий лед под тяжелой поступью. Ничто отхлынуло, вернув колющий холод и запах тления. Деву выбросило прочь от самого преддверия Единения — с помраченным духом и уязвленной волей.

Месяцы труда — и все разрушено вспышкой чужого кошмара! Она вобрала воздух, пытаясь заткнуть рану в сознании, но видение пульсировало под веками, как заноза.

Нельзя было позволить эмоциям утратить то, чего она достигла. Не размыкая век, она бесшумно втянула воздух и сосредоточилась на внутренней тишине, пытаясь заглушить всколыхнувшийся ворох непрошенных мыслей. Капли пота, словно слезы бессилия, выступили на лбу.

— Не готова.

Голос, сухой, как треск ломающейся ветки, разорвал последние нити забытья. Дева в ярости ударила ладонью о землю.

— Эбе! Я была так близко!

Она вскочила на ноги, и косы ее взметнулись, расплетаясь; они рассыпались по плечам шалью, сотканной из огня.

— Ты усомнилась. И потерялась в водовороте собственных чувств. Пока будешь уподобляться детям гор, ты не готова.

— Я не уподобляюсь им! — выдохнула она, и в глазах вспыхнули золотые искры. — Я позволяю им видеть себя. Живу среди них. Но я не они. Я знаю, кто я и кем быть должна.

— Ты истеришь. Капризничаешь, как дети гор. За столько лет, что ты провела среди них, ты впитала их суть под кожу. В тебе больше от человека, нежели от божественного. Ты даже обращаешься ко мне, как их внуки к бабушкам. А ведь я тебе не мать, а сестра!

«Внуки к бабушкам...» — мелькнуло в сознании Алмасты. Да, вулгуни зовут ее Чассажи. Маар, среди которых она жила дольше всего, величали бы ее Гьорол-эбель. А даргойцы с их строгими адатами — Щуорла Гйайша. Но для нее, рожденной из стихии, все эти имена были лишь разными масками, что надевала одна и та же сила, говоря с людьми на их языках.

Дева отвернулась, скрестив руки на груди в немом протесте.

— Они догадываются. Но из почтения делают вид, что верят в твое дитячество. Как не догадаться, если жизнь их — один миг, а ты все та же девочка, что играла с их пращурами?

Юная вздернула подбородок.

— На каждое весеннее равноденствие они делают тебе подношение, — воскликнула она, и голос прозвучал, как удар в доул. — Так же они будут делать его и мне, когда придет время. Независимо от того, сколько я среди них.

Старуха поднялась с земли, опершись на посох, вырезанный из дерева, что старше этих гор.

— Не ослепляй себя гордыней, дитя. Может статься, они просто отринут тебя. Потому что знают слишком хорошо. И твоя мощь покажется им столь же обыденной, как восход солнца, что они не сочтут ее достойной поклонения. Что тогда будешь делать?

Белоснежные, с переливами серебра, косы старухи взметнулись ввысь, образовав над ее головой вихрь разрастающегося ветра. В центре вихря замерцало серебряное дерево с раскидистыми ветвями.

Старуха поднесла левую ладонь к вихрю и извлекла сорванный плод, внутри которого клубилась буря. В следующее мгновение в буре проступили образы, вторившие ее словам:

— Срок моего правления подходит к концу. Круг замкнется, и я начну путь сначала. Следующей Великой Матерью быть тебе, Алмасты. Не Суванасы — ее путь к Единению еще долог.

Последнее она произнесла, предвосхитив возражение юной, в ее вечном стремлении перечить.

И в шаре тут же возник образ зеленоволосой девы, безмятежно бредущей по жемчужным водам.

— Но ты! — Голос старухи зазвучал громче, и вершины гор вторили ему легким эхом. — Когда час пробьет, мои ветры разнесут семена твоих деяний по всем ущельям. Все равно, будешь ли ты готова или нет, время твоего правления наступит. Ты будешь держать этот посох и нести бремя Верховной. Но что, если ты так и не постигнешь Единения? Что, если дети гор не станут воздавать тебе почести и забудут тебя? У тебя не хватит мощи, чтобы защитить их от козней наших врагов.

Картинка в вихре изменилась. Образ лучезарной Алмасты, стоящей перед поклоняющимся ей народом, померк. Люди отворачивались, уходили прочь, двери саклей захлопывались перед ней. Дети гор не делали подношений и сжигали посвященные ей храмы.

На смену пришла тень, покрывающая всю страну. И у новоиспеченной Верховной Матери не хватило сил развеять мрак, что несла с собой эта тень.

Не в силах больше смотреть, дева отвернулась от видений.

— Твои ветры лгут, Часажи, равно как и ты. Все эти образы — лишь отражение твоих страхов, что дети гор отринут богов или найдут себе новых.

— Видения ветров не лгут, дитя. Это возможности. Один из многих вариантов участи, что ждет этот мир.

— Участи?! Не лучше ли для ясности поговорить с Тамирхо? Она куда сведуща в вопросах судьбы! — съязвила дева.

— Довольно. — В голосе старухи впервые прозвучала сталь. — Я долго смотрела сквозь пальцы на твои игры. Ты покинешь этот народ и отправишься на Бахарган. Там, среди равных, ты научишься нести свое бремя и продолжишь подготовку к переходу.

Алмасты с силой топнула ногой, выражая все свое негодование, отчего земля содрогнулась, и в горах прокатилось грохотание. Сжав кулаки, она ощутила, как ярость пульсирует в висках, но не нашла слов в ответ Матери Ветров, ибо пока та — Верховная, у юной Матери Земли нет права на непослушание.

Часть первая

Тень над Эйялу

Глава 1. Костры и тени

В те дни, когда над Эялу уже легла черная тень, а тревожные вести, словно зловещие шепоты, скользили меж суровых гор, никто не ведал, что эта ночь станет иной. Словно сама судьба, устав от молчания, решила бросить кости.

Солнце, багровое и усталое, клонилось к закату, окрашивая склоны в цвет запекшейся крови и золы. В этот час на тропе, ведущей к аулу, появился путник. Он шел неспешно, и каждое его движение казалось частью древнего ритуала; сама земля под его ногами затаилась, прислушиваясь. Высокий, с густыми бровями и взглядом, в котором читались и скалы, и давние тревоги, он нес на плечах тяжесть чужих судеб. За поясом у него покоился кинжал, за спиной — наследие предков, а плащ его пах дымом костров и горькой полынью дальних дорог.

Горца звали Радан. В аул его привела не молва о беде, а старая дружба с аксакалом Буттаем, да и сердце не позволило пройти мимо, когда сама земля стонала под непосильной тяжестью.

Не успел Радан дойти до первых сакль, как из-за поворота показался другой юноша — моложе, ниже ростом, но крепкий, словно лук из отборного тиса. В глазах его сверкала настороженность зверя, что вырос среди скал. Это был Дивир, сын тех мест, что лежали за дальним перевалом, и тропы эти он знал как свои пять пальцев. Но ныне дорога была иной: его родной аул терзали ночные страхи, и он пришел искать не только помощи, но и правды, что порой острее лезвия.

Они обменялись взглядами — не приветствием, а узнаванием: плечи у обоих напряглись, дыхание замерло. В тот миг между ними протянулась незримая нить; оба понимали: беда, пришедшая в эти горы, не случайна. Оба явились не по воле случая, а по зову, слышному лишь тем, кто не боится смотреть в лицо тьме.

В ту ночь в Эялу не горели костры, кроме одного — того, что пылал в темноте докрасна раскаленным оком. Тусклый свет чирагов дрожал в окнах, а ветер приносил запах сырой земли и чего-то неведомого, заставляя кожу холодать. В этот час, когда даже собаки поджимали хвосты, появился последний — Симарв. Худощавый, с хитрой улыбкой, он выскользнул из мрака, словно тень, когда Радан и Дивир уже переговаривались с аксакалами на годекане.

Симарв был тем, кого в аулах называли «смекалистым»: не силой, так умом, не кулаком, так словом. Он не любил говорить о себе, но умел слушать так, что собеседник, сам того не замечая, раскрывал перед ним самые сокровенные страхи. В его глазах плясал огонек — не то насмешки, не то грусти, будто он видел больше, чем хотел бы помнить.

Аксакалы, склонившись, шептались о Ххурттаме — том, в кого, по древнему поверью, превращаются после смерти скупцы и грешники. Говорили, не знает он покоя в могиле: воет, стонет, яростно грызет свой саван и терзает других мертвецов. А в безлунные ночи, когда тьма сгущается до черноты смолы, он вырывается на волю и бродит меж скал, выслеживая одиноких путников. От такого неупокоенного избавляются лишь самым страшным способом: раскаляют докрасна железную лопату, отсекают ею голову покойнику, кладут ее лицом к земле у его ног и лишь тогда закапывают могилу, чтобы не вернулся больше в этот мир.

Но в ауле не осталось ни одного молодого и крепкого горца, кто мог бы сразиться с ним. Всех их поодиночке сгубил Ххурттама, и никто из тех, кому было по силам побороть чудовище, не отозвался на мольбы жителей. Даже боги оказались к ним глухи.

Старики разбрелись по саклям, чтобы попытаться защитить своих близких — на случай, если Ххурттама ворвется именно в их жилище.

Даже собаки не лаяли, а лишь скулили, чуя беду, что витала в воздухе.

Тишина, наполненная ожиданием и страхом, сомкнулась вокруг троих путников — Радана, Дивира и Симарва. Они не ведали, что впереди ждет не только битва, но и встреча с самими собой.

Их осталось четверо: три чужака и один страж.

Огонь на годекане трепетал, словно загнанный зверь, а тени сгущались в плотную, почти осязаемую пелену. Казалось, стоит протянуть руку — и пальцы погрузятся в вязкую темноту.

Первым молчание нарушил Радан. Его голос прорвался из тишины глухим гулом, будто доносясь из самой глубины ущелья:

— Не люблю я эти ночные страхи. Лучше встретить врага лицом к лицу, чем ждать, когда он сам тебя найдет.

Но даже он, привыкший смотреть опасности в глаза, чувствовал, как тревога, подобно ползучему туману, подбирается к самому сердцу.

Дивир кивнул, не отрывая взгляда от пламени, где плясали призрачные очертания — то ли духов, то ли воспоминаний:

— У нас говорят: «Кто не боится — тот не живет». Но и сидеть сложа руки не стану.

Решимость в его голосе была твердой, как булат, но пальцы впивались в древко копья с такой силой, будто он сжимал горло собственному страху.

Симарв усмехнулся — коротко, нервно — и швырнул в огонь сухую ветку. Сноп алых искр, подобно испуганным духам, взвился вверх, лишь чтобы быть поглощенным ненасытной утробой ночи:

— А я вот думаю: если уж страх пришел в дом, надо узнать, чего он боится сам.

Слова его лились легко, но взгляд, темный и быстрый, метался, как пойманная птица, выискивая в глубине теней хоть малейшее движение.

Так и сошлись они — не за щедрым застольем и не под песни зурны, а в ночь, когда страх стелился по земле гуще горного тумана, а каждый вздох отдавался в ушах медным звоном.

Повисшую тишину прорезало тонкое лезвие детского плача. Из-за угла сакли робко выглянула девочка. Набекрень съехавший платок, в руке — затертая тряпичная кукла. И два огромных озерца, готовых вот-вот пролиться соленой водой.

— Ттатта... ттатта наш не вернулся с пастбища, — всхлинула она. — Он пошел за барашком... а мама плачет и говорит, что его забрала ночная тень.

Симарв смущенно откашлялся и опустил на корточки.

— Эй, красавица, не реви. Видишь, какие у нас борцы с теньями? — он кивнул на Радана и Дивира. — Они всех ночных страшилищ поразят.

— Правда? — девочка протерла кулачком глаза, смотря на Радана.

Тот тяжело вздохнул. Его суровое лицо смягчилось.

— Правда. Как зовут твоего деда?

— Анту, — прошептала девочка.

— Мы найдем Анту, — голос Радана прозвучал как приговор.

В этот миг из сакли вышла женщина, худая, с лицом, испачканным дымом очага. Она торопливо схватила девочку за руку.

— Простите ее, путники... Не слушайте детский лепет. Идите своей дорогой, пока ночь не опустилась окончательно.

— Мы идем, — коротко бросил Дивир, впервые за вечер подняв взгляд. В его глазах горела не просто решимость — личная ярость. Он молча тронул пальцем оберег на поясе.

Женщина лишь кивнула — благодарность и страх сплелись в одном жесте, — и потащила дочь в дом. На пороге она обернулась:

— Да хранят вас горы... Всех вас.

Трое замерли, слушая, как за дверью щелкнула задвижка.

— Ну что, — первым нарушил молчание Симарв, но вся его привычная насмешливость куда-то испарилась. — Пошли наводить порядок. А то тут дети пугаются.

Они двинулись в сторону кладбища. Тропа вилась во тьму. Лишь редкие проблески луны сквозь тучи выхватывали из мрака острые камни да корявые корни.

— Красота, — фыркнул Симарв, спотыкаясь о невидимый булыжник. — Прямо как в старых сказаниях. «Шли они тропой во тьму, дабы обрести свою...» свою, черт, как там?... свою погибель, видно.

— Прикуси язык, — буркнул Радан, не оборачиваясь. — Или хоть споткнись потише. Оно и так нас чует за горным хребтом.

— А что ему слышать? — не унимался Симарв. — Кости мои скрипят, твоя кольчуга брякает, а Дивир пыхтит, как мехи в кузнице. Идем, словно отара слепых баранов по осыпному склону. Велика наша скрытность.

Дивир, шедший сзади, коротко хмыкнул.

— Бараны умнее. У них копыта цепче. А ты в своих чарыках на сыром камне поскользнешься — все мы в ущелье кувыркнемся.

— Эй, сын утесов, — огрызнулся Симарв, но уже беззлобно. — Мои чарыки прошли такие тропы, твоим горным турам и не снилось. А на льду я и не так плясал...

Голос его оборвался. Все трое замерли как влитые. Впереди, из-за поворота, донесся тот самый звук — глухой, влажный скрежет, будто кто-то с силой волочил по камням тяжелую сырую шкуру.

Вся бравада Симарва мгновенно испарилась.

— Ладно, — он сглотнул. — Может, назад? Скажем, мы его не застали...

— Иди первый, — коротко бросил Радан, обнажая меч. Звук выходящего из ножен металла был зловеще громким в тишине. — Может, оно тебя одного и слопают, а нас не тронет. Сделаешь доброе дело.

Эта мрачная, горская усмешка почему-то вернула им дух. Даже Симарв выдохнул и сжал свою дубину.

— Щедрость твоя безмерна, о предводитель. Но нет уж. Сгинем вместе, веселей будет.

Кто бы мог знать, что именно этот миг станет началом конца, что уже подкрадывался к ним из ночи.

Ледяной ветер

Я — Эхо. Я — голос горы, что ленится рождать новые слова. Свой смысл я не рождаю. Я — отзвук. Возвращаю вам ваши же, лишь тронутые холодом вечности.

Я — Дыхание Севера. Я приношу с перевалов не холод, а ясность. Я выжигаю все лишнее, обнажая суть. Но в эту ночь в Эялу пахло иначе. Запахом страха, густым и прогорклым, как старый жир.

Я несся над спящим аулом, и стены сакль шептали мне о тревоге. Собаки поджимали хвосты, чуя не мою стужу, а иную, мертвую. А потом я услышал Его. Скрип сухожилий, хруст костей под серой кожей. Он был ошибкой. Живым отрицанием жизни.

И тогда я увидел их. Трех. Их сердца бились вразнобой, но воли сплелись в один тугой канат. Я обвил их, остужая пылающую ярость Радана, наполняя ледяной ясностью сомнения Симарва, донося до Дивира шепот предков. Я был им не враг. Я был союзником.

Ибо лишь ледник способен сковать чудовище, что выползло из теплой могилы.

Глава 2. Клятва и кости

Ночь остудила дневной зной, и Эялу погрузился в молчание: жители погасили очаги и чираги, только на годекане смотрящий поддерживал пламя — слабое, дрожащее, словно последний вздох.

Для тех, кто притаился у кладбища, этот свет был не защитой, а хрупким маяком, готовым угаснуть в любой миг.

В темноте меж могильных плит раздавалось хриплое дыхание, перемежающееся низким, звериным рычанием. Тяжелые шаги глухо отдавались в остывшей почве — казалось, сама твердь отторгала их, и с каждым мгновением грохот приближался.

У Радана внутри все сжалось в ком. Он приник к холму, чувствуя, как земля под ним дышит — медленно, тяжело, словно старик в забытии. Пальцы сжали рукоять меча до хруста в суставах, и мир сузился до холодного металла и бешено колотящегося сердца. Он знал: дрогни сейчас — и погибнут все. Это знание било по нервам острее любого горного ветра.

Хрип и скрежет камней под чудовищной поступью становились все ближе. Сердце Радана колотилось, готовое вырваться из груди. Он уже готов был ринуться вперед, подчинившись слепому инстинкту воина.

Вдруг сбоку раздался шепот. Тихий, но столь четкий и твердый, что он прорезал саму ткань ночного ужаса.

Дивир стоял на колене, опустив копье на землю. Глаза его были закрыты, ладони раскрыты.

— Духи гор, предки отцов наших, — шептал он, и слова его были не мольбой, а договором. — Вы видите нас. Вы слышите шаги Тьмы, что идет по вашим могилам. Дайте мне меткость копья, силу руке и спокойствие сердцу. Не ради славы. Ради ребенка, что ждет ттатту. Ради очага, что не должен угаснуть.

Он не просил о спасении своей жизни. Он просил о праве стать оружием. Один короткий, сдавленный вздох — и он поднял копье. Его глаза открылись. В них не осталось страха. Лишь холодная, отточенная решимость. Он сделал свой выбор. И был готов за него заплатить.

— Сейчас он повернет за угол, — голос Радана прозвучал глухо, но уже без дрожи. — Готовься.

Луна вынырнула из-за облаков, и тьма расступилась, открывая жуткое зрелище.

Живой усопший. Кожа серая, как зола, натянута на кости. Из пасти свисал лоскут савана, застрявший в кривых рядах крупных клыков — ими, вероятно, Ххурттама и прогрыз его после обращения. А глаза — медные, пустые, словно древние блюда, в которых отражалась лишь тьма.

Радан замер, не смея дохнуть. Ледяная сырость ползла по жилам, а сердце колотилось с такой яростью, что, казалось, вот-вот разорвет грудную клетку.

Времени на раздумья не осталось: из-за низкого надгробия донесся шорох — и мертвец, дернувшись, плавно, с костяным хрустом, повернул голову.

В этот миг из тени выскользнула фигура Симарва.

Он не держал оружия, только длинную палку, обмотанную тряпьем. Движения его были странными и гибкими, точно ритуальный танец на грани между мирами.

Вместо атаки Симарв начал выводить на земле замысловатые круги, бормоча сквозь зубы слова, что звучали как помесь заклинания и ругательства:

— Ну-ка, подходи ближе, тварь! Иди, полюбуйся...

Голос его дрожал, но даже ночь притихла, затаив дыхание.

Ххурттама, учуяв движение, взревел и ринулся вперед. Но Симарв, и сам пораженный своей прытью, подставил под ноги чудовищу толстый корень, заранее выданный из земли.

Усопший споткнулся, но устоял. Им двигала слепая ярость и ненасытная жажда жизни.

Радан, не теряя ни мгновения, метнулся вперед. Меч блеснул в лунном свете, но удар пришелся лишь вскользь. Кожа Ххурттамы была сухой и жесткой, как вываренная шкура. Металл отозвался глухим стуком, не оставив ни царапины. Чудище взвыло, развернулось, и его лапа, похожая на сучковатую ветвь, с хрустом врезалась юноше в бок.

Тот отлетел к надгробию, и на мгновение мир поплыл, окутавшись мутной пеленой.

Симарв, не помня себя, ринулся за спину чудовищу, но оно, чуя его страх, яростно развернулось. В воздухе повеяло запахом сырой земли и тлена, будто из вскрытой могилы. Когти Ххурттамы полоснули по земле, вырывая дерн с корнями, и лишь чудо спасло Симарва — он рухнул ничком, и над его головой пронеслась лапа, оставив в воздухе свистящий след.

Радан, с трудом переводя дух, поднялся на ноги. Кровь сочилась по руке, но пальцы так впились в рукоять меча, что и кость, казалось, побелела от натуги. Он вновь ринулся вперед, и на этот раз чудовище встретило его взглядом. В тех глазах не было ни злобы, ни боли — лишь бездонная, мертвая пустота.

Клинок со скрежетом скользнул по шкуре твари, и сталь взвыла — пронзительный визг, словно кто-то точит нож о камень прямо у виска.

Ххурттама взревел так, что, казалось, земля содрогнулась. Казалось, само кладбище дрожит от этого воя, а камни вот-вот треснут.

Леденистые пальцы впились в плоть, и время споткнулось, поползло тягуче и медленно, в сознании Радана вспыхнул ослепительный, белый взрыв, выжигающий все мысли.

Его крик потонул в реве чудовища, словно щепка в водовороте.

Симарв, в отчаянном порыве, наклонился, схватил горсть сырой земли и швырнул ее в лик твари. Грязь залепила медные глаза, и Ххурттама, завыв от ярости, разжал хватку.

Радан рухнул на колени, едва удержавшись на ногах, и, шатаясь, отполз за ближайший камень, оставляя за собой кровавый след.

Симарв попытался отвлечь монстра, бросил в него палку. В ответ Ххурттама взревел, накинулся на него; когти полоснули по плечу, разорвав рубаху и кожу. Юноша вскрикнул, отползая, но мертвец уже занес лапу для нового удара.

В этот миг сзади раздался хриплый окрик. Дивир, выскочив из тьмы, вонзил копье в бок чудовища. Ххурттама лишь судорожно вздрогнул от удара, не причинившего ему боли, и тут же развернулся. Короткий, когтистый взмах — и Дивир с присвистом рухнул на землю. Кровь залила ему глаз, в ушах стучало, а в груди вспыхнуло отчаяние: *«Сейчас промахнусь — и все погибнет. Как тогда, дома».*

Ххурттама навис над ним, вскинул лапу. Дивир откатился, и это спасло его от гибели: стальные когти вонзились в землю там, где только что была его шея.

Монстр зашипел, занес когти для нового удара, и в этот миг Симарв, не пытаясь подняться, резко ударил своей палкой по ближайшему надгробию.

Глухой костяной стук, непривычный и резкий, на мгновение привлек слепое внимание Ххурттамы. Его медная голова повернулась на звук, когти замерли в воздухе.

Этого мига хватило Дивиру. Он отполз и, шатаясь, поднялся, вцепившись в копье одной рукой — вторая безвольно повисла плетью. Радан, с хрипом выталкивая воздух из легких, тоже встал. Рубаха на нем темнела от крови, но он лишь переложил меч в другую руку и снова шагнул вперед.

И тут все меж могильных плит наполнилось лихорадочным, рваным движением, словно сон на грани кошмара. Тварь металась между ними, вырывая дерн, ломая камни, и каждый раз, когда когти проносились рядом, казалось, смерть уже хватает кого-то за пятку.

А Дивир, затаив дыхание, начал медленный обход. Его глаза, суженные до щелочек, выискивали в яростных движениях чудовища хоть малейшую брешь.

Симарв, почти обезумев от страха, поднял обломок надгробия и что есть силы швырнул его в спину твари.

Чудовище обернулось — и в этот миг Дивир заметил: на шее, там, где кожа была тоньше, серебрился старый шрам.

— В шею! — выкрикнул он, и голос, сорвавшийся на хрип, был полон стали.

Радан, собрав остаток сил, бросился вперед. Меч блеснул в лунном свете, рассекая воздух, и лезвие вонзилось под основание черепа. Чудовище зашаталось, когти едва не вспороли ему грудь. Боль пронзила тело, но Радан не отступил.

И в этот миг копье Дивира метнулось, как стрела, и вонзилось в бок Ххурттамы с силой последнего отчаяния.

Чудовище взвыло, затрепетало и наконец рухнуло на землю. Но даже поверженное, оно долго еще дергалось и билось, точно сама смерть отказывалась принять эту оскверненную плоть. И мысль, холодная и тяжелая, въелась в сознание: они не выдержат, если оно поднимется. Не потому, что не осталось сил, — само ожидание нового рывка обращает кости в воду, а душу — в лед.

Тишина повисла над кладбищем, вязкая, как терпентин. Дыхание троих было хриплым и прерывистым. Каждый держался за рану: у Радана кровоточило плечо, у Симарва была содрана кожа на руке, а лицо Дивира заливала кровь, и глаз почти не открывался.

Они стояли над телом Ххурттамы, не смея поверить, что все кончено.

Дивир, не отрывая взгляда от поверженного врага, приблизился, сжимая рукоять кинжала, — готовый вонзить лезвие при первом же движении. А Симарв, с привычной хитрой усмешкой, уже наклонился за своей палкой, словно проверяя, не морок ли все это.

— Ну и ночка выдалась, — но голос его был приглушенным и сорванным. — Не каждый день с покойниками танцуешь.

Радан попытался улыбнуться, но губы не слушались:

— Ты ловко его запутал. А ты, Дивир, метко бьешь.

Дивир коротко кивнул, но в голосе его звучала горечь:

— В горах иначе не выжить. Но в одиночку не справиться.

Они переглянулись, и в этот миг между ними протянулась незримая нить — тонкая, но прочная, словно скованная в горниле боя.

Каждый был сам по себе, но после этой ночи уже не мог назвать себя одиноким.

— Это не конец, — хрипло проговорил Дивир, смахивая с лица струйку крови. — Ты же знаешь, как с такими поступают.

Он кивнул в сторону бездыханного тела.

Радан мрачно кивнул в ответ.

Симарв лишь усмехнулся — небрежно, с вызовом, — но возражать не стал.

Он развел костер из остатков веток, согласно заветам старших. Радан, не говоря ни слова, дрожащей рукой приволок с края кладбища ржавую лопату. Они замерли в безмолвии, глядя, как металл накаляется в огне, становясь сначала вишневым, потом почти белым.

Время тянулось, ночь казалась бесконечной. Огонь трещал, пламя отражалось в глазах, полных усталости и страха. Когда лопата раскалилась докрасна, Радан стиснул зубы и шагнул к телу. Симарв и Дивир держали мертвеца за плечи и ноги — даже сейчас к нему страшно было прикасаться. Радан опустил раскаленное железо на шею Ххурттамы. Запах паленой плоти и волос ударил в нос, и каждый с усилием удержался, чтобы не отпрянуть. Голова отделилась не сразу, но, когда все было кончено, они положили ее к ногам чудовища, лицом в землю, как того требовал обычай.

Никто не проронил ни слова.

Лишь ветер шелестел в кронах, да изредка с дальнего подворья доносился лай собаки. Они молча закапывали могилу, швыряя землю лопатой, пока пальцы не онемели. Сверху навалили тяжелый камень — залог, что усопший не вернется.

Симарв все время отводил взгляд, но помогал до конца. И лишь когда все было кончено, пробормотал вполголоса, самому себе:

— Может, и зря, но так спокойнее.

Он повалился на спину, раскинув руки, и громко застонал, уставившись в небо, где уже таяла ночная мгла.

— Все. Я умер. Кто найдет в моем хурджине две монеты — тот может оставить их себе на помин моей души. Если, конечно, эта тварь их не проглотила вместе с рубахой.

— Твои монеты ей дорого обошлись, — хрипло проворчал Радан, с трудом стягивая с себя разорванный и окровавленный плащ. — Моя спина сейчас выглядит как шкура, которую волк драл с барана.

— Зато цела, в отличие от моего самолюбия, — Симарв повернул голову, с трудом улыбаясь. — Я хоть за монеты драться горазд. А ты, я гляжу, и задарма рубиться мастак...

— Замолчи, — Радан бросил в него комок земли, но тут же застонал, скривившись от боли в плече. — Лучше скажи, почему этот упырь тебя так и не съел? Небось, очуяв твою горечь, счел несъедобным.

Дивир, молча перевязывавший рану на руке, коротко хмыкнул. Он ткнул пальцем в Симарва.

— Он трещал без остановки. Ххурттама сломался от его болтовни и сам решил умереть. Это и есть твоё секретное оружие?

— Вот именно! — оживился Симарв, пытаясь сесть. — Я его заговорил! Пока вы клинками махали, я словами врага крушил! И, как видите, сработало.

Радан покачал головой, но в его глазах плеснулось что-то похожее на усталую теплоту.

— Ладно, балагур. В следующий раз будешь первым идти на переговоры. А мы пока огонь разожем.

Когда рассвет окрасил край неба, они сидели у костра — молчаливые, измотанные, но живые.

И только тогда, впервые за долгую ночь, они почувствовали, как страх отступает, оставляя после себя пустоту и странное облегчение.

В наступившей тишине, нарушаемой лишь тяжелым дыханием, Дивир внезапно поднял голову. В его глазах, помутневших от боли, вновь вспыхнула знакомая ярость.

— Анту, — бросил он, с трудом поднимаясь.

Радан, уже собиравшийся двигаться к аулу, замер. Он посмотрел на свои окровавленные руки, на едва держащихся на ногах товарищей и мрачно хмыкнул.

— Адат есть адат. Сказали — найдем. Значит, будем искать.

— Ой, да ладно вам! — застонал Симарв. — Может, сначала перевежемся? Или вымерли все бараны в округе, кроме этого одного?

— Не в баранах дело, болтун, — Радан уже шагал вдоль ограды, вглядываясь в предрасветную мглу. — Слово дали. Перед ребенком.

Руки плохо слушались, раны ныли, но Дивир, опираясь на копье, упрямо брел вдоль каменной гряды.

— Его след, — указал он на сломанную ветку. — Старик отползал.

— Отличный пастух, — проворчал Симарв. — Баран потерялся, потом сам потерялся... Теперь еле живые, его ищем.

Анту нашли в неглубокой расщелине. Лоб старика был горячим и влажным, нога неестественно вывернута. Увидев их, он прошептал что-то несвязное про «ночную тень».

— Тень упокоили, отец, — Радан грузно опустился на корточки рядом. — Тебя одного тут оставлять нельзя.

Он взглянул на Симарва. Тот закатил глаза, но молча подошел и крепко обхватил старика, пока Радан, скрипя зубами от боли, резким движением вправил вывих.

Потом, перекинув бесчувственное тело Анту через здоровое плечо, он тяжело поднялся. Дивир молча подставил свое плечо с другой стороны. Симарв, хромая, шел впереди, отыскивая в скудеющем мраке пологие спуски.

Литые свитки вечности

Я, Камень-Свидетель, помню. Мои бока — свиток, исчерченный когтями бурь и слезами дождей. Ко мне прижался мальчик. Его сердце стучало, как дробь дятла о кору старой сосны. Его страх был острым, как осколок кремня. Я впитывал его, как впитываю влагу туманов.

А потом пришла Тварь. Ее тяжесть заставляла сжиматься мои каменные жилы. Она не принадлежала мне. Она была гнилым зубом, вросшим в челюсть уцелья. Она ступала — и корни вереска вяли, а лишайники на моей спине чернели и умирали.

Люди пришли не как хозяева. Они пришли как часть меня. Их ярость была жаркой, как солнце, что согрело меня на заре времен. Их кровь, пролитая на мою грудь, была не осквернением. Она была древней данью. Знаком того, что они помнят Договор. Кровь за жизнь. Боль за покой.

И когда они победили, я не ликовал. Я принял в свои недра черную кровь Твари. Запечатал ее в самой глубокой трещине. Это моя доля. Мой адат.

Я — Камень-Свидетель. И я помню, чтобы они могли идти дальше.

Глава 3. Земля и железо

Лучи солнца только начали растекаться по каменным склонам, когда трое израненных путников добрались до аула. Их шаги были неровными: Радан шагал, стиснув зубы, — левая рука безвольно висела плетью, а на правом плече, впиваясь в него пальцами, тяжело опирался Анту. Старик брел, почти не поднимая головы, и каждый его шаг давался Радану новой волной жжения в ранах. Симарв, бледный, с разорванной рубахой, прижимал окровавленное плечо, а правая нога подгибалась, но он упрямо не показывал слабости. Дивир шел сзади, прижимая к лицу окровавленную тряпицу; левая рука висела непослушной тяжестью.

У ворот аула их встретили молча. Женщины ахнули, увидев кровь и рваную одежду. Мальчишки бросились наперерез, а старики поднялись с каменных лавок, выпрямившись, готовые принять новый удар судьбы. Кто-то прошептал имя забытой богини, кто-то приложил ладонь к сердцу. В каждом взгляде — тревога и немой вопрос: все ли?

И тут из толпы вырвалась та самая женщина — дочь Анту. Она не закричала. Увидев отца, еле державшегося на ногах и повисшего на плече незнакомца, она на миг застыла. Потом опустилась перед Раданом на колени и прижала ладонь к земле. Поднявшись, она бережно приняла старика и, встречаясь с ним взглядом, прошептала:

— Очаг моего дома будет вашим очагом. Всегда.

В тот день на годекане разожгли костер. Дым поднимался к небу прямым столбом, словно тропа к предкам. Женщины вынесли к огню все, что могла дать щедрая горская земля: большие чаши с гъавккури, похожими на белоснежные облака в наваристом бульоне, золотистые къячи, от которых шел соблазнительный дух жареного теста и баранины, дымящиеся подносы с курзе. Но главным угощением, делом рук самых опытных хозяек, был хахари — густой праздничный суп, вобравший в себя силу семи злаков, темно-золотистый от бараньего жира и настоящий на вяленом мясе. Его насыщенный, почти осязаемый аромат обещал сытость, здоровье и удачу, ради которых и затевалась эта трудная трапеза. А для праздника — в глиняных кувшинах стояла мачча, сладкий хмельной напиток, благоухающий медом. Запах был таким, что даже самые усталые почувствовали голод. Но рука Радана дрожала, когда он брал чашу, боль в плече не отпускала, а каждый вдох напоминал о ночной схватке. Симарв ел одной рукой, морщась от боли, а Дивир, прикрыв глаз, с трудом отламывал хлеб левой, здоровой рукой.

Старшая из женщин, не говоря ни слова, приложила к ранам Радана и Симарва мазь из темных трав; ее терпкий аромат вплеся в дым маччи и насыщенное благоухание хахари. Считалось, что это блюдо возвращает силу и отгоняет дурные сны, а едкий чесночный соус, что подавали к гъавккури, отпугивал злых духов, что могли увязаться за человеком из ночи. Для Дивира вынесли повязку, пропитанную горьким настоем, и он зажмурился, когда ее туго накладывали на глаз.

Пока все ели, одна из старух бросила в огонь пучок сушеной полыни. Дым закружился в воздухе, складываясь в причудливые узоры; в нем, если приглядеться, можно было увидеть лица тех, кто оберегает аул с высоты гор. Считалось, что этот дым уносит боль и страх, очищая место от скверны.

К костру, прихрамывая, подошел Буттай. Он молча уставился на перевязанное плечо Радана, на окровавленную повязку на лице Дивира, на синяк под глазом у Симарва. Молчание затянулось. Потом он хмыкнул, звук был похож на скрип двери в старой сакле.

— Ну и рожи, — буркнул он наконец, плюнув в огонь. — Красивее были, когда на свет появлялись. Идиоты. Трое на одного — и все в синяках. В мои годы мы таких упырей голыми руками душили, даже не вспотев.

Радан попытался улыбнуться, но боль заставила его сморщиться.

— С возрастом, видно, сила не уходит, а хитрость приходит, старый друг.

— Хитрость? — фыркнул Буттай. — Это он про тебя, Симарв? Говорили, ты его корнем подножил. Ловко. По-бабы.

Симарв, с набитым ртом — он как раз доедал кусок къячи, — только развел руками, дескать, что выросло, то выросло.

В этот момент к костру присоединился Кунма. Он нес свой посох не как опору, а как знак власти. Неспешно подошел к огню, сгорбленный; его бурка, пропахшая дымом и полынью, тянула за собой шлейф времени и дальних пастбищ. Он остановился у самого пламени, оперся на посох, и огонь выхватил из мрака лицо, испещренное морщинами, в которых прятались тени всех прожитых лет. Кунма не спешил заговорить.

— Буттай врет, словно старый шакал, — изрек он, и тихие слова легли на притихшее собрание, точно резьба по камню. — В его годы он от одного вида Ххурттамы в штаны накладывал. А вы... вы сегодня ночью стали мужчинами. Не тогда, когда убили его. А тогда, когда решили идти. Остальное... — он махнул рукой, — ...просто работа.

Он присел на камень, с хрустом разминая колени.

— Теперь слушайте, щенки. Вы думаете, убили монстра и все? — Он усмехнулся, и в его усмешке не было радости. — Вы подняли камень. И теперь должны быть готовы увидеть, какие гады из-под него побегут. Один упырь сгубил аул. А что сделает та, что их насылает?

Слова его повисли в воздухе, заставив всех замереть. Суровость стариков была не пустым брюзжанием — то был язык гор, язык выживания, где шутка и упрек значили куда больше слащавых похвал.

Когда старики разошлись, а новые страхи еще не успели сгуститься, Радан остался у костра один. Он смотрел, как угли отбрасывают на его руки дрожащие тени, и в каждом отблеске видел то, что было ночью: кровь на ладонях, медный блеск в глазах чудовища, крик, что не отпускал его даже сейчас.

Буттай опустился рядом, неспешно, как делают те, кто прожил долгую жизнь среди камней и ветров. Долго молчал, глядя в огонь, и лишь ветер трепал его седые волосы, напоминая: все в этом мире — лишь дыхание гор.

— Ты всегда появляешься, когда беда на пороге, Радан, — голос старейшины прозвучал низко и устало, словно он и вправду вернулся из-за черты ночи. — Горы помнят твои шаги, даже если ты сам хочешь их забыть.

Радан не сразу ответил, ощущая, как в груди поднимается что-то острое и тяжелое, похожее на камень после обвала.

— Не все шаги стоит помнить, старый друг, — выдохнул он. — Иногда проще идти дальше, чем оглядываться назад.

Но даже говоря это, он знал: прошлое всегда догонит, стоит лишь замедлить шаг.

Старейшина посмотрел на него с грустной добротой, и в его глазах, хранивших целый век, отразилось все — и радости, и потери, и надежды, не умирающие даже в самую темную ночь.

— Я помню, каким ты был мальчишкой, — мягко произнес он, и в словах было столько тепла, что Радан невольно сжал кулаки, пытаясь защититься от собственной памяти. — Всегда первым лез в драку, всегда тащил на себе чужие беды. Но не все раны — на теле, сынок. Некоторые не зарастают годами.

И в этот миг Радан ясно почувствовал: есть раны, которые не залечит ни время, ни трава, ни молитва.

Он отвел взгляд. Губы дрогнули, замерли на не сказанном слове. А в глазах на мгновение мелькнула тоска, старая, как эти горы, и такая же неотступная.

— Бывает, — выдохнул он, — не обо всем хочется говорить. Главное — сегодня никто не погиб. Остальное неважно.

Но даже говоря это, он знал: есть вещи, которые важнее всего, просто не всегда хватает сил их назвать.

Старейшина положил ему руку на плечо. Ладонь была теплой и тяжелой, словно отцовская, и в этом прикосновении заключалось больше поддержки, чем во всех словах.

— Не гонись за прошлым, Радан. Ты нужен этим горам и тем, кто рядом. Не прячь боль за улыбкой. Иногда стоит позволить себе быть просто человеком.

В этих словах звучало не только напутствие, но и разрешение — быть уязвимым, быть живым.

Радан чуть улыбнулся, но улыбка вышла усталой, едва заметной, словно отблеск солнца на вершине, когда туман только начинает рассеиваться.

— Может, когда-нибудь, — прошептал он. — А пока... пусть хотя бы ночь будет спокойной.

Они посидели рядом, слушая потрескивание углей. Где-то вдалеке, в темноте, прокричала ночная птица. И в этой тишине, меж угольным жаром и чужим голосом во тьме, таился вопрос: что принесет следующий рассвет и хватит ли у них сил встретить его такими, как сегодня?

Когда Дивир и Симарв вернулись к костру, к Радану и Буттаю присоединились и другие мужчины аула. Ночь уже легла на селение тяжелым покрывалом. Воздух был плотным, пропитанным дымом и звенящей тишиной, — казалось, сама тьма затаила дыхание. В ход пошел бочонок бузы. Терпкая, она обжигала горло, и этот жгучий вкус напоминал, что жизнь все еще держит их в своих ладонях.

Новая охапка хвороста шипя упала в огонь, и пламя, встрепенувшись, выхватило из мрака лица. В каждом изломе теней читалась усталость, отливающая свинцом, а в глубине глаз все еще прятался страх. Но поверх всего этого проступало нечто иное — хрупкое, как первый ледок, облегчение.

Согласно обычаю, женщины и дети разошлись по домам, оставив мужчин наедине с огнем и ночными разговорами. Остались лишь старики да гости-спасители, чьи раны ныли уже не так остро. Вокруг костра стало теснее и тише — каждый звук обретал вес.

Старики, не торопясь, выспрашивали юношей: откуда корни, куда путь держали.

— Я — маарец из нуцальства Аскархукмат, — отозвался Радан, и в голосе его не дрогнул ни один звук.

Буттай, сидевший напротив, не шелохнулся, но взгляд его на мгновение стал тяжелым и пронзительным. Лишь он один знал, какой ценой дались Радану эти слова.

— Мой родовой аул там, где крыши держат небо, — продолжил юноша, глядя куда-то поверх голов, в свое прошлое. — А ветер поет на языке предков.

— А я — кабганец из майсумства Таваспаран, — сквозь стиснутые зубы проговорил Симарв, пытаясь унять боль в плече. — Мои края омывает соленая вода Дарубандского моря. — В его голосе и впрямь звенела соль, а в глазах стоял отсвет далеких волн.

— Я — вулгуни, как и многие здесь, в Эялу, — тяжело промолвил Дивир. — Но мой аул стоит на самой границе нашего бакчийства Гумик.

Слово за словом, с кропотливостью ткачих, старики распутывали клубок родства. И вышло, что Радан приходится Дивиру кровником в третьем колене жены троюродного дяди по линии матери Дивира, а Симарв — младшим братом жены сына сестры отца Дивира.

На миг костер вспыхнул ярче. Даже самые суровые аксакалы размякли, на их лицах проступили улыбки, а один, не сдержавшись, смачно хлопнул себя по колену. Ведь если есть родство — значит, есть и надежда, что беда не возьмет верх.

На радостях распили еще, и головы горцев основательно захмелели. Один из аксакалов, покрасневший и добродушный, хлопнул Радана по плечу.

— Видите?! — воскликнул он, размахивая пиалой. — Адаты — они крепче стали! А этот ваш урукха... — Он брезгливо сморщился, словно почувствовал дурной запах. — ...фу! Он для чужаков, для бумаг да торговли. А свои... свои и без слов поймут, коли сердце чисто!

Маарский юноша лишь сдержанно улыбнулся, пытаясь скрыть, как от этого добродушного хлопка у него из глаз посыпались искры.

В этот час, когда сердце становится мягче, а страхи отступают, гости начали рассказывать, зачем отправились в путь. Радан, с кривой усмешкой, швырнул в огонь щепку.

— Я ищу славы среди гор. Может, найду, а может, она меня найдет первой.

Симарв, опустив взгляд, признался: для его обедневшей семьи он — последняя надежда, и потому ищет сокровищ, чтобы принести домочадцам хоть крупицу счастья. «Обещал одной глупой девчонке, что вернусь не с пустыми руками», — пробормотал он так тихо, что слова едва не утонули в треске огня.

Но когда очередь дошла до Дивира, он застыл, уставившись на свои ладони. Плечи его сжались под тяжестью всех камней Эялу, и даже жар костра отступал перед ледяной броней его молчания.

Голос прозвучал приглушенно, слова рождались где-то в глубине, выпарапываясь наружу:

— Я пришел сюда не только за помощью, но и за ответами, — он запнулся, пальцы сжались в кулаки. — Мой аул... — дыхание сбилось, в глазах блеснула боль. — Там осталась только горсть стариков и женщин. Почти всех молодых сгубила Рохдулай. Я последний. Старейшие велели мне искать способ победить ее, иначе никто не выживет.

Костер потрескивал, отбрасывая на лица огненные блики, и на миг показалось, что каждый из сидящих увидел в этом пламени свою беду. Хмель отступал, тревога возвращалась, сжимая грудь ледяной рукой.

Самый старый из аксакалов, Кунма, поднялся. Его глаза, глубоко сидящие в паутине морщин, медленно обвели троих. Взгляд, тяжелый и цепкий, задержался на Дивире — казалось, старик читал в юноше его прошлое, настоящее и грядущее.

— Дивир, сын Ххирама, — начал он, голос — низкий, с хрипотцой, словно камнепад вдали. — Не за силой ты сюда пришел, а за словом. Слово — оно крепче железа, если его правильно держать.

Дивир невольно выпрямился, но в его взгляде дрожала тревога — не та, что перед битвой, а слепая, что рождается в незнании, где притаился враг. Огонь плясал на его лице, выхватывая из темноты мальчишескую уязвимость.

— Я пришел за советом, отец. Не ради славы, не ради мести. В нашем ауле одна тень, и даже солнце тусклее стало. Как пройти сквозь ночь, если дорога не видна?

Кунма величаво кивнул, внимая отзвуку своих слов.

— На рассвете, — сказал он, — моя внучка сварит бульон из уссу-лакку. Не пей его сам. Этот отвар для Рохдулай. Если сумеешь окропить ее тень, она ослабнет. Но для этого потребуются смелость и ловкость.

Он бросил мимолетный взгляд на Радана и Симарва, губы его тронула едва заметная улыбка.

— Твой путь лежит через черную тропу, к заброшенному аулу гончаров. Там, среди руин, живет Каж. Старый, как эти горы, и хитрый, как лис. Он знает то, что забыли даже духи. Спроси его о дороге в Скалистые горы, где Рохдулай прячет свое начало. Но помни: в одиночку не дойти. Горы любят тех, кто держится вместе, а отшельников ломают.

Буттай поднял пиалу, но пить не стал. Смотрел на пламя, а слова обращал ко всем.

— Родство — это хорошо. Оно скрепляет. Но против северного ветра и одного рода мало. — Он перевел тяжелый взгляд на Дивира. — Твой аул, сынок, не первый. Он — крайний. До этого тень легла на Архинда в ущелье Хириял. Там тоже сначала пал скот. Потом люди. Потом... воцарилась тишина. Теперь там лишь ветер воет.

Он сделал паузу, дав словам просочиться в сознание.

— Говорят, Рохдулай не просто убивает. Она пьет силу земли. Там, где она прошла, трава не растет, родники горкнут, а скалы крошатся в пыль. Она губит не только людей. Она убивает саму жизнь гор.

В наступившей тишине было слышно лишь потрескивание углей.

— Мой аул... он следующий? — выдавил Дивир, и в голосе впервые прозвучал не только страх, но и ужас перед масштабом беды.

— Все мы следующие, — мрачно ответил Буттай. — Пока эта тень не упрется в море... или в упрямство таких же гордецов, как вы трое.

Кунма отхлебнул из пиалы, и голос его приобрел иной, почти торгашеский оттенок.

— Но у каждой тени есть и своя цена. Тот, кто остановит Рохдулай... — он посмотрел на Радана, — ...его имя станут рассказывать у костров даже через сто зим. О нем сложат песни. — Его взгляд скользнул на Симарва. — А сокровища... Говорят, она собирает не только души. В ее логове томятся богатства всех сожранных ею аулов. Золота хватит, чтобы выкупить целый город у мидян. Или вернуть долги самой бедной семье, сделав ее знатной.

Он хлопнул себя по коленке.

— Так что ищите, дети гор. И славу, и богатство. Но помните — за всем этим стоит тень, что сожрет и то, и другое, и вас заодно.

В этот миг костер треснул, взметнув сноп искр, и тени на лицах загустели. Ночь, казалось, вслушивалась в их разговор. Тишина повисла над огнем, и каждый почувствовал холод, заползающий под кожу.

Радан шагнул вперед. В его голосе зазвучала решимость, упрямая, как горная река:

— Ты и не пойдешь один, Дивир. Кунак не бросает кунака. Если путь труден — тем больше причин идти вместе. Я был в долгу перед горами, теперь долг перед другом.

Симарв, оскалившись в своей лукавой ухмылке, встал рядом:

— А мне что, обратно в тени лезть? Нет уж, с вами веселее. Да и интересно, что за зверь такая — эта Рохдулай.

В глазах Дивира впервые за долгое время мелькнула надежда. Плечи его расправились, и он почти незаметно улыбнулся. Но в глубине души все еще шевелился страх: не велика ли цена за этот рассвет?

Аксакал обвел их взглядом, и на мгновение его старческое лицо озарилось молчаливой гордостью:

— Вот так и надо. Пусть адат будет вам щитом, а слово — мечом. А рассвет принесет вам силу и зоркость. Помните: в горах чужих не бывает, если сердце открыто.

Рассвет не спешил. Сначала над горами повисла тусклая полоска, и лишь зоркие заметили, как тьма начала отступать от скал. Свет не заливал землю — он крался по склонам, вырывая из мрака камни, оставляя все вокруг серым и настороженным. Ночь не сдавалась — она лишь пряталась в трещинах, готовая вернуться.

Радан стоял на краю аула, вглядываясь в ущелья, где тьма все еще цеплялась за камни. Он ловил каждое движение ветра, каждый звук, и в груди крепло чувство, что этот рассвет — не просто начало дня, а обещание перемен для тех, кто не сломался.

Симарв, закутавшись в бурку, вдыхал сырой воздух с привкусом камней и дальних морей. Он думал о доме, о странном запахе утра в чужих горах, и понимал: если не идти сейчас, страх скует крепче любой цепи.

Дивир задержался у костра, где тлели последние угли. Он опустил на колени, провел ладонью по холодной земле — прощался не с местом, а с собой прежним. Дорога пугала, но остаться и не попытаться было страшнее.

Злаковый бульон, заговоренный жрецом, запечатали в бурдюк. Дивир принял его — тяжелый, как долг, хрупкий, как надежда. Троих проводили до начала тропы, что вела к аулу гончаров. Одни шептали молитвы, другие молча смотрели вслед, стараясь запомнить их силуэты на фоне рассвета, который все еще боролся с ночью.

Кунма благословил путников, коснувшись плеча каждого:

— Не забывайте: у гор много глаз, но у сердца — лишь один путь.

Внутри — огонь, который еще предстояло отстоять.

Буттай, с лицом, будто высеченным из усталого камня, подошел к каждому, но у Радана задержался дольше. Обнял его крепко, по-мужски, хлопнул по плечу и шепнул так, что услышал только один:

— Ты мне как сын, Радан. Возвращайся. Если не ради себя — то ради нас.

Неподдельная тревога дрожала в его голосе, а во взгляде смешались стальная воля и последняя искра надежды. Радан кивнул, сжал руку друга в ответ — крепко, до боли, будто в этом рукопожатии можно было передать все, чего не выразишь словами.

Буттай чуть тронул губы улыбкой, но та тут же растаяла. Он не отрывал взгляда, пока фигуры троих не растворились в серой дымке рассвета, где свет и тьма все еще спорили за право владеть горами.

Они двинулись в путь. Аул за их спинами нехотя пробуждался. В окнах зажигался огонь, кто-то звал скотину, кто-то шептал молитвы, но никто не ведал, что ночь не ушла — лишь сменила обличье и затаилась, выжидая своего часа.

Впереди лежала дорога, где каждый шаг мог стать последним.

Позади осталась ночь, не сдавшаяся без боя.

Эхо в ущелье

Я —Повторение. Я —голос горы, что ленился придумывать заново. Я не несу своего смысла. Лишь возвращаю то, что мне дали.

Их шаги, их шепот —все стало моим. Я бросал их слова о скалы, чтобы они звенели. Я растягивал их вздохи, чтобы они поняли: здесь все остается. Навсегда. Даже страх, что шепчут они, я пронесу через века. Пока не найдется тот, кто сумеет сказать тише.

Глава 4. Бремя слова

Тропа вилась через овраги, словно старая трещина на ладони земли, уводя троих все дальше на юго-восток, туда, где даже ветер казался чужим. В их шагах не осталось легкости: горы выжимали из них силы, каждый камень под ногой был испытанием, каждый вдох — борьбой. Боль в мышцах стала привычной, и именно это пугало больше всего: когда усталость становится домом, путь ведет к пропасти.

Они шагали меж скал, где ветер резал лицо, а тропа была острой, как клинок, и скользкой, как лед, что не сдается даже весне. Каждый шаг отзывался в ногах тупой болью, дыхание становилось короче. А ночи были столь темными, будто сам Цоб закрыл глаза.

Путь превратился в крутой каменистый склон. Дышать было нечем. Каждый шаг давался с боем. Симарв споткнулся и едва не полетел вниз, но Радан мощной хваткой вцепился ему в запястье.

— Смотри под ноги, — голос его хрипел от усталости, но звучал твердо. — Сорвешься — тащить тебя буду. А ты тяжелый.

— Спасибо... за любезность, — выдохнул Симарв, вытирая пот со лба. — Может, отдохнем? Я больше не могу. Сердце выскакивает.

— Нет, — это был Дивир. Он уже был на десять шагов выше, не оборачиваясь. Его фигура в наступающих сумерках казалась высеченной из камня.

— Что значит «нет»? — взвыл Симарв. — Я тут помереть готов!

— Тогда умри, — безжалостно бросил Радан, снова пускаясь в путь. — Но потом. Сначала дойдем. Смерть подождет.

— Черт вас побери, упрямые ослы... — забормотал Симарв, но, кряхтя, пополз за ними.

— Осел тут один, — донесся сверху голос Дивира. — И он отстает.

Симарв, что есть сил, ускорил шаг, пытаясь догнать их, и в следующий миг едва не врезался в Дивира, который внезапно замер посреди тропы.

В зарослях, где даже луна не могла пробиться сквозь сплетение ветвей, земля перед ними внезапно обрывалась. Все произошло без предупреждения: тишину разорвал хруст — точь-в-точь как ломают сухую кость. Дивир стоял неподвижно, а Симарв, не успев среагировать, чуть не рухнул вниз. Яма зияла черной пастью, в ней не отражался ни свет, ни звук, только густая, вязкая тьма, похожая на логово, вырытое для ночных страхов.

На миг все замерло, прислушиваясь: из глубины ямы тянуло холодом, и в этом холоде чудился чей-то тяжелый, невидимый взгляд. Где-то в ветвях что-то шевельнулось — ни ветер, ни зверь, а нечто иное, осторожное, выжидающее.

Радан не стал медлить. Он выломал из куста длинную ветку и швырнул ее в яму. В ответ донесся глухой всплеск, словно внизу притаилась вода — или нечто гораздо менее гостеприимное. На секунду показалось, что из глубины донесся тихий, почти детский смешок. А может, это просто ветер свистел в расщелинах?

— Обходим, — коротко бросил Радан.

Слова прозвучали как приказ, но в голосе слышалась усмешка — прямой вызов незримым духам: *«Ну что, не на того напали»*. Он шагнул в сторону, нашел обход и, лишь убедившись, что земля тверда, махнул рукой остальным.

Симарв, сжав кулаки, пересек опасный участок, стараясь не смотреть вниз. Холодок от ямы пополз по его спине. Дивир задержался на миг, прислушиваясь: где-то вдалеке зашуршал куст, и сердце его сжалось, точь-в-точь как перед бедой.

Радан шагнул вперед, и в этот миг из ямы донесся еле слышный плеск — последняя попытка удержать их, нежелание отпускать с миром. Но он не обернулся, лишь усмехнулся про себя: *«Пусть ждут других. Нам еще рано вниз»*.

Они двинулись дальше, и тропа снова стала похожа на старую рану, не заживающую в теле земли. Теперь каждый шаг отдавался в груди не только усталостью, но и липким, навязчивым страхом: за спиной чудилось присутствие — невидимое, но неотступное.

Когда они наконец остановились на ночлег у подножия скалы, страх отступил, уступив место полному изнеможению. Они сидели у костра, и Симарв, как обычно, пытался разрядить обстановку.

— Ну что, братцы, — сказал он, ломая лепешку. — Язык у меня кабганский, сердце — вулгунское, а болтаю я, кажется, на всех наречиях Лекетии разом. Хорошо, хоть урукха общий есть, а то бы мы тут мычали и жестами объяснялись, как немые торгаши на базаре.

Радан хмыкнул, не отрывая взгляда от огня.

— Урукха... Лучше бы он навсегда остался на том базаре. Язык, на котором отдавали приказы наши деды. — Он с силой швырнул в огонь щепку. — А теперь вот скрепляем им свою дружбу. Горькая шутка.

Искры взметнулись в ночь, и наступила тягостная пауза, которую не мог заполнить даже Симарв.

Утро было серым и холодным, сырой туман забирался под одежду, пропитывая кости усталостью. Дивир мрачно проверял снаряжение, Симарв зябко кутался в бурку, бормоча что-то несусветное о здешних нравах погоды.

Радан, прихрамывая, поднялся последним. Он вдохнул полной грудью, поморщился от боли, но на лице его расплылась широкая улыбка.

— Чуете? — спросил он, обводя рукой долину, тонущую в молоке тумана.

— Чуем, — буркнул Симарв. — Пахнет сыростью и безнадёгой. Или это я так пахну после вчерашнего?

— Пахнет приключением, морда! — рассмеялся Радан, и его смех гулко разнесся в тишине, вспугнув ворон с ближайшей сосны. — Не сидеть же нам, как старикам у очага. Вон, — он ткнул пальцем в сторону тропы, — там где-то ждет Каж. Хитрый, говорят, как лис. Интересно, он в кости играет? Может, обыграем его на твои сокровища, Симарв?

— Мои сокровища еще надо найти, — огрызнулся Симарв, но и его настроение слегка поднялось.

— Найдем, — уверенно сказал Радан и хлопнул Дивира по спине. — И твою Рохдулай найдем. И славу найдем. Главное — не стоять на месте. Дорога лечит лучше любой мази. Идем, пока туман не скрыл все следы.

Радан шел первым, пытаясь обмануть не только спутников, но и самого себя — скрыть усталость, запереть страх наглухо. Его тень казалась длиннее обычного, будто в ней таилось нечто большее, чем просто человек. За спиной шагал Дивир, сжимая в руке оберег из конского волоса: память о ночной битве в Эялу не отпускала, а собственные раны саднили, напоминая — опасность не ушла, она лишь затаилась. Симарв болтал без умолку, но каждый его смешок отдавался в ущельях пустым эхом, и даже горные духи не спешили отвечать.

— Говорят, если долго идти в одну сторону, можно обогнуть гору и встретить самого себя. Надеюсь, я себе понравлюсь!

— Если встретишь, попробуй не спорить, — буркнул Дивир, и в его глазах мелькнула улыбка.

Радан лишь молча кивнул — в этом жесте скрывалась целая буря.

Вскоре они наткнулись на ручей, сбегавший с камней студеной струей. Бросились к воде, жадно зачерпывая ладонями.

Симарв повалился на влажный мох, раскинув руки.

— Все. Дальше не могу. Ноги — не ноги, а два обрубка, налитых свинцом. Оставьте меня. Пусть волки съедят. Может, им хоть будет польза от моих мозолей.

Радан, умывая лицо, фыркнул. Вода стекала с его подбородка.

— Волки умнее, чем кажутся. От твоего мяса и тошнить будет. Вставай. Скоро придем.

— Скоро? — застонал Симарв. — Ты это же говорил, когда солнце было в зените! А теперь оно клонится к закату! Где твое «скоро», о великий проводник?

Дивир, пивший молча, вдруг указал на противоположный склон.

— Смотри.

Там, на камне, сидел крупный горный козел и с тупым безразличием жевал траву.

— Видишь? — Радан оскалился в улыбке. — Даже он смеется над твоей слабостью. Глупое создание, а взбирается по скалам с легкостью падающего камня.

Симарв с трудом приподнялся на локте.

— Может, он и глуп, зато умный. Никуда не торопится, травку жует. А мы бежим, будто за нами духи гонятся.

— Так и есть, — мрачно пробурчал Дивир, натягивая ремень котомки. — Только это не духи, а тень, что становится длиннее с каждым шагом. Иди или оставайся. Выбор твой.

Симарв посмотрел на козла, на уходящих товарищей, чертыхнулся и, кряхтя, поднялся.

— Ненавижу вас обоих. И этого козла тоже.

Превозмогая боль, он поплелся за кунаками.

Песнь ветра

Я ношу забытые имена. Обвиваю пустые очаги, впускаю их тишину в себя. Этот аул... я помню его голос. Гончарный круг был моим ритмом. Детский смех — песней.

Теперь я разношу лишь прах былой жизни. Я был в разбитых кувшинах, но находил лишь осколки. Пока не пришли Они.

Трое. От них пахло не страхом забвения, а гневом. Горячим, ярким, как плавка в горне. Их гнев был честным. Он не разбивал, а... напоминал. Я подхватил его, пронес над руинами. И понял: гнев — это тоже память. А значит, и я — еще не совсем эхо. Я — ветер, который помнит, как быть дыханием.

Глава 5. Глина и пепел

Когда ночь сгустилась, словно закипающая смола, они вышли к заброшенному аулу гончаров. Место было безмолвным и мертвым. Ветер выл в развалинах — заунывный плач по тем, кто когда-то здесь жил. Симарв нервно покусывал губу, а Дивир сжимал рукоять кинжала, его взгляд скользил по темным провалам пустых сакль.

Радан же, напротив, казался спокоен. Он подошел к каменному очагу, провел рукой по замшелым камням.

— Крепко сложили. Ни ветер не сдул, ни дожди не размывли. — Он обернулся к другим, и в его глазах играл знакомый огонек. — Говорят, гончары из Ккунцалу делали такую посуду, что вода в ней не протухала, а буза крепла. Может, поищем пару кувшинов на дорожку?

— Тебе бы только шутить, — проворчал Симарв. — Мне чутся, тут и духи застоялись, как та буза. Пахнет бедой.

— Все пахнет бедой, если нюхать с закрытыми глазами, — парировал Радан. Он поднял черепок и бросил его Симарву. — На, понюхай. Пахнет древностью. А древность — как старый воин. Ее слушать надо, а не бояться.

Он потянулся, хрустнув костяшками, и широко улыбнулся.

— Ну что, встретим нашу древность? Интересно, о чем она с нами заговорит.

Камни очага были покрыты мхом, но, к их удивлению, в золе теплилось угольное сердце — словно хозяин лишь ненадолго отлучился. Воздух дрожал, как натянутая тетива, и каждый звук отдавался в ушах неестественно громко. Веселость Радана испарилась в миг.

— Здесь слишком тихо, — выдохнул он, и тишина сгустилась.

В тот же миг он заметил тонкую белую полосу, светящуюся в темноте, словно живая нить из чужого сна. Симарв, потянувшись к углям, замер: воздух наполнился звуком, похожим на скребущийся изнутри сухой шкуры. Лунный свет скользнул по траве, и из-под развалин выполз белый змей. Его движения были плавны, как струящаяся по камням вода.

Ночь стала еще гуще, невидимый дым окутал все вокруг. Радан шагнул вперед, рука легла на рукоять меча, но змей поднял голову и уставился ему прямо в глаза. В его взгляде отражались все костры этих мест, все страхи и надежды, когда-либо рождавшиеся в этих горах.

Он зашипел, но не бросился. Вместо этого раздался голос, тягучий, с шелестом чешуи:

— Ну что, путники, ищите ночлег или испытаний? — в нем слышался смех, опасный и манящий.

Радан не отступил, хотя сердце колотилось так, что, казалось, его услышат духи гор.

— Мир тебе. Мы ищем проход через ущелье. Кто ты?

— Я здесь давно, — ответил змей, — и знаю все тропы. Кто пришелся мне по нраву, тому дорога откроется. А кто нет — навсегда останется в этих скалах.

Симарв постучал пальцем по подбородку, разглядывая змея.

«Вот бы сейчас оказаться где-нибудь в тепле... Держись, Симарв. Не показывай страха».

Змей впился в него взглядом — холодным, проникающим в самую душу, выворачивающим наружу все, что он так тщательно скрывал за улыбкой.

Дивир шагнул вперед. Голос его звучал твердо, но в глазах плескалась тень сомнения:

— Мы не ищем ссоры, о великодушный Каж. Нам нужен путь в Скалистые горы.

— Проход всегда есть, — прошипел змей, — но не всякий мост выдержит тяжесть ноши. Каждый несет свое: кто-то — страх, кто-то — гордыню, кто-то — груз сомнений.

Все вокруг замерло. Не стало ни ветра, ни звуков — лишь глухое биение трех сердец. В этот миг стало ясно: испытание ждет не только их, но и их прошлое, и всю накопленную боль.

— Прежде чем ступить дальше, — сказал Каж, — оставьте здесь то, что тянет вас ко дну. Иначе не дойти.

Трое молчали. Радан сжал кулаки: что, если его ноша — все, что у него осталось? Симарв сглотнул, боясь пустоты, которая возникнет, если отпустить страх. Дивир закрыл глаза — ему предстояло отпустить вину, иначе погибнет не только он.

Все вокруг потемнело, и они оказались в кругу, выложенном белыми камнями. За его пределами сгущалась тьма, а в центре пылал оживший очаг.

— Первое испытание будет трояким, — прошипел Каж. — Один останется в кругу до рассвета, даже если страх сожмет сердце. Второй пройдет сквозь туман к роднику и не собьется с пути. Третий отдаст самое дорогое, не зная, вернется ли оно.

Слова прозвучали коротко и безжалостно, оставив в воздухе щемящую тишину. Дивир шагнул вперед — прямо навстречу пляшущему пламени:

— Я остаюсь в кругу. Пусть страх попробует сломить меня.

Симарв усмехнулся, но пальцы его дрожали:

— Мне по нраву бродить в темноте. Я найду родник.

Радан опустил взгляд, сжимая рукоять меча:

— Я отдам то, что есть у меня, — мой меч. Пусть Каж решит, достоин ли я получить его обратно.

Ночь сгустилась, как смола. Дивир сидел в кругу, а тени вокруг плясали, шепоты липли к ушам, словно паутина. Сердце колотилось в горле, морозный туман страха сжимал легкие. Кожа покрылась мурашками, пальцы дрожали, но он не позволял себе даже взглянуть за черту круга.

И в тот миг за его пределами вспыхнул свет, и в нем Дивир увидел свой аул — опустевший, выжженный. На пороге родной сакли стояли мать и сестра, а за ними — тень Рохдулай. Страх сжал горло: *«Я не смогу их спасти, если буду сидеть здесь по прихоти духа. Я нужен им сейчас».*

В груди все оборвалось, захлестнула тошнота ужаса. Но в следующий миг к нему подошли Симарв и Радан — такие, какими он знал их в жизни. Их присутствие стало якорем, и он понял: это лишь уловка Кажы.

Но мрак сгустался. Из тьмы выплыла высокая фигура в черном, с пустым лицом. Рохдулай. Она скользнула к нему, едва касаясь земли.

— Твои молитвы тщетны. Ты не спасешь никого.

Слова впивались, словно отравленные иглы. Дивир вспомнил свою первую охоту — тогда он не дрогнул, а теперь вера трепетала, как пламя на ветру.

— Ты один, — шептала она, — никто не придет.

Дивир не ответил. В его руках вдруг появился лук — знакомый, тяжелый. Тварь метнулась, но стрела уже была на тетиве. Выстрел — и лишь пустота, лишь эхо. Рохдулай рассмеялась и исчезла. Дивир вскочил, готовый броситься в погоню, но за спиной послышались шаги. Симарв и Радан снова были рядом.

«Это все — лишь тени. Лишь испытание. Я не выйду из круга. Не поддамся».

Он уселся в центре, стиснув зубы. Видения сменялись, но теперь он твердо знал: главное — не поддаться. Истинный облик Рохдулай убьет, а это — лишь морок.

Симарв шагал по тропе, где каждый куст казался чудовищем, а каждый камень — пропастью. Земля под ногами стала вязкой, словно топь, воздух — густым, с привкусом крови. Туман сжимался вокруг, подобно повязкам на ране, но тропа неумолимо вела вперед, не позволяя свернуть.

Вдруг из-под земли по кругу выросли каменные столбы, на каждом — высеченные лица, пустые, без глаз. Один из них зашептал голосом матери:

— Ты всегда ищешь смысл, сын. А если его нет?

Голоса становились громче: «*Ты чужой*», «*Ты не веришь*», «*Ты не наш*». Они били по вискам, словно рой ос. Симарв закрыл глаза, выдохнул и шагнул в самую гущу столбов. Под ногой хрустнуло — и все стихло.

Он оказался в кругу старейшин, требовавших провести древний ритуал для защиты от злых духов. Один старик произнес:

— Если отвергнешь ритуал — духи отвернутся. Если совершишь — предашь себя.

Перед ним на земле лежали чаша с мутной водой, повязка и нож.

В груди Симарва боролись две силы: жажда истины и страх потерять уважение друзей. Внутри все перевернулось, застыв в ледяном оцепенении.

Он вспомнил, как еще в детстве спасался в горах, полагаясь не только на знания, но и на чутье. Не торопясь, взял нож, провел по лезвию пальцем. Поднес чашу к губам — вода пахла ржавчиной и сыростью.

— Вода мутная, дорога длинная, — пробормотал он в тишину.

Аксакалы хранили молчание, лишь один едва заметно кивнул в сторону ножа. Симарв усмехнулся — в этой усмешке была ясность, но не покорность.

Он опустил нож, подобрал повязку и завязал ее не на себе, а на чаше, скрепив воду и сталь безмолвным обетом.

— Не всякая кровь должна литься, чтобы путь был честным, — сказал он тихо, — и не всякая повязка — для раны.

Один из старейшин коротко хмыкнул, другой сжал губы, третий продолжал изучать его, взвешивая каждое слово.

Симарв внезапно поднял чашу и, не отпивая, вылил воду на землю перед кругом.

— Пусть духи сами решат, кого принять.

В тот же миг туман за пределами круга сжался, и в его глубине проступила узкая тропа к роднику, словно изображение на сырой глине. Старейшины растворились в воздухе — лишь мутный след и царапина от ножа остались на земле в память о случившемся.

Симарв замер у края круга, глядя назад через плечо — без тоски, с упрямым спокойствием человека, прощающегося не с прошлым, а с собственной тенью. «*Ничего*, — мысленно пообещал он тому, кто ждал его за много переходов отсюда. — *Я ведь хитрый. Я всегда найду дорогу назад*».

Он шагнул в пелену тумана, и тьма приняла его без остатка.

Радан стоял у очага, держа меч на вытянутых руках. Пламя окутало клинок, сталь теряла форму, готовая обратиться в пепел. Но воин не отводил взгляда, не молил о пощаде — лишь ждал приговора Кажа, принимая тяжесть этого испытания.

Перед ним возникло видение: он, мальчишка, а рядом — отец. За спиной грохотала битва, воздух выл от запаха крови и гари. Все возвращалось — та давняя боль, когда он не сумел защитить отца, когда не хватило ни сил, ни духа. Но теперь отец смотрел иначе: без упрека, с усталой нежностью, видя в сыне не только воина, но и того самого испуганного мальчика.

— Ты все стремишься быть крепкой скалой, — голос отца пробивался сквозь годы, — но не позволяешь себе быть просто человеком. Гонишься за славой, забывая, что настоящая сила рождается в доверии.

Внутри у Радана все перехватило, стальные клещи сжали грудь. Перед ним выбор: снова броситься в бой одному, как прежде, или впервые позвать товарищей, довериться им, открыть свою уязвимость. Он выдавил из себя глухой крик — и незримая ноша, гнувшая плечи, внезапно отступила, рассыпалась в прах.

Он повернулся к врагам, что бурной рекой катились вниз по склону. Радан замахнулся рукой, зовя друзей, но в этот миг все исчезло во мраке, и он остался один на краю скалы. Внизу редела пропасть, в ее черной пасти клубились тени павших, их голоса впивались иглами:

— Почему ты не спас нас? Почему тебя не было рядом?

Скала под ногами трескалась, земля уходила в бездну. Радан сделал шаг и провалился, хватаясь за корень, что рвал кожу до крови. Пальцы скользили, ногти ломались, ладонь горела, а внизу, в ревущей тьме, знакомые мертвые лица тянулись к нему, шепча:

— Оставь меч. Ты не достоин.

Меч в руке становился все тяжелее, впиваясь в плоть и кость, превращаясь из клинка в тяжкие оковы. Рука предательски дрожала, пальцы деревенели, а изнутри нарастал набат: *«Отпусти, иначе погибнешь!»* Но из самых глубин отвечало другое: *«Без меча ты никто»*.

Он зажмурился, стиснул зубы и отпустил. Меч исчез в ревущей пасти пропасти. Вместе с ним ушла и тяжесть. Руку пронзила боль, но Радан подтянулся, цепляясь за острые камни, за злость, за упрямство, за то, что осталось.

Он выбрался на край, ладони в крови, дыхание рваное, в груди — пустота и странная легкость, как после долгой болезни. Перед ним снова пылал очаг, а на земле лежал его меч — чистый, с прохладной рукоятью.

Радан поднял клинок и впервые за долгое время почувствовал не груз, а свободу.

Когда первый луч солнца коснулся вершины, туман рассеялся. Дивир все еще сидел у очага, Симарв вернулся с водой, а меч Радана лежал у его ног, обвитый белой чешуей.

Змей поднялся, и его голос стал похож на шелест листвы, на шорох уходящего сна:

— Каждый прошел свою тропу, — прошипел он. — Теперь идите дальше. Горы ждут. Но помните: не всякая сталь ранит тьму, а тот, кто чист сердцем, найдет свой клинок.

Заброшенный аул растворился, точно призрачное видение на рассвете. Каж исчез в расщелине, оставив после себя только тишину и узкую тропу, уводящую в горы.

Беззвучие, воцарившееся после речей духа, давило на уши. Даже Симарв онемел, переваривая услышанное.

Первым нарушил молчание Радан. Он повернулся к своим спутникам, и на его лице играла странная, кривая улыбка.

— Ну что, братья по несчастью? Готовы оставить здесь свои грехи и прочую ерунду? Я свой страх оставляю. Он мне все равно на поле боя только мешает.

— А я, — Симарв нервно облизнул губы, оглядывая злобный белый круг, — пожалуй, оставляю свою благоразумность. Она меня еще никогда до добра не доводила. Всегда вовремя советовала смыться.

Оба посмотрели на Дивира. Тот стоял, сжимая лук так, что пальцы белели.

— Я... не могу оставить веру, — выдохнул он с трудом. — Это все, что у меня есть.

— Эх, Див, — покачал головой Симарв с притворным сожалением. — Такой шанс избавиться от лишнего груза. Мог бы легкость обрести, птицей стать.

— С твоей-то болтовней он и так птицей станет, — парировал Радан. — Только кривой и пугливой. Ладно. — Он шлепнул Дивира по здоровому плечу. — Тащи свою веру с собой. Посмотрим, не сломает ли ей спину эта переправа.

Они переглянулись, понимая что испытаниям еще не конец, и шагнули в неизвестность.

Тропа взмывала ввысь, и с каждым шагом воздух редел, испытывая их волю суровостью вершин. Тишина стояла гробовая, и камни, казалось, прислушивались к стуку сердец в груди юношей.

После встречи с Кажем мир потускнел: краски поблекли, тени растянулись в предвечерних сумерках, а ветер в ущельях завывал о грядущих переломах, что неотвратимы, как смена времен.

Симарв шагал впереди, иногда замирая, прислушиваясь к шорохам ветра и приглушенным голосам, таившимся в складках скал. Его пальцы то и дело касались подбородка, глаза тревожились, но губы были сжаты упрямо, словно он держал в себе клятву, которую нельзя нарушить.

Радан следовал за ним, почти бесшумно ступая, но глаза его беспокойно скользили по сторонам, как у охотника, что потерял след добычи.

Дивир шел последним. За спиной покачивался подарок Кажа — новый лук из лунной кости; напоминание о цене испытания. Ступал осторожно, будто шакал, чующий близкую опасность, но прячущий страх

Их шаги тонули в безмолвии ущелий. Впереди высились лишь каменные исполины, а вокруг — лишь они сами, перерожденные испытаниями, но не избавленные от терзающих сомнений.

Тропа не раз вилась развилками, и всякий раз Симарв безмолвно выбирал путь. Короткий жест, взгляд через плечо — в нем мерцала невысказанная тревога. За спиной — тяжелое дыхание спутников, впереди — зыбкая череда камней, что гора воздвигала им навстречу.

Он шел первым, но в глубине души знал: ведет их не он, а страх утратить тех, кто доверился его выбору.

Когда они остановились на ночлег, холодное звездное небо стало их единственным кровом. Радан, сменивший Дивира на страже, подбросил хвороста в огонь. Пламя вспыхнуло, осветив спящие фигуры. Симарв ворочался и бормотал, Дивир лежал неподвижно, как продолжение скалы, но сжатый кулак выдавал напряжение.

Симарв рывком поднялся, глаза его были полны ужаса.

— Что? Что такое? — он метнулся взглядом по сторонам, пока не увидел спокойное лицо Радана.

— Ничего, — отозвался тот, не поворачивая головы. — Спи. Шакалы воют за холмом. Даже близко не подойдут.

— А... хорошо. — Симарв выдохнул и снова рухнул на землю, почти мгновенно проваливаясь в сон.

В ночной тишине прошло немало времени. Дивир, не открывая глаз, шевельнул губами:

— Все спокойно?

— Спокойно, — так же тихо откликнулся Радан. — Спи.

— Ты бы сам поспал, — после паузы сказал Дивир. — Я уже отдохнул.

— У меня своя очередь. Спи.

Больше слов не было. Лишь треск огня, далекий вой шакалов и тяжелое дыхание нарушали безмолвие гор.

С первыми лучами солнца они снова двинулись в путь. Однажды Радан замедлил шаг — его взгляд уловил в тумане бледное пятно, то ли призрак, то ли отголосок памяти. Он хотел окликнуть спутников, но слова застряли в горле. Маарец ускорил шаг, возвращаясь к своим, — лучше оставить видение в одиночестве, чем позволить ему обрести плоть в общем сознании.

Впереди мелькнула белая тень — кошка или дух. Все трое замерли, затаив дыхание. В тот миг каждый ощутил ледяной укол между лопаток, будто невидимый коготь провел по коже. Никто не произнес ни слова, но страх висел в воздухе, словно морозная дымка.

Вскоре тропа привела их к расселине. Над пропастью висел узкий мост из почерневших досок. Симарв ступил первым, и скрип балок отдался в груди приглушенным стоном. Радан не стал ждать — перепрыгнул через два пролета, пытаясь оставить позади нечто невидимое, но неотступное. Дивир оставался на краю, сжимая лук; его взгляд застыл в молчаливом прощании с прошлым.

На другом берегу они не сразу пошли дальше. Каждый стоял отдельно, оставив за спиной часть себя на шатких досках. Лишь когда ветер донес отдаленный смех, они снова сомкнули ряды — только вместе им было под силу продолжить путь.

Узел над пропастью

Я — Нить над Бездной. Я связываю разорванное: два берега, две судьбы. Мои доски помнят каждый шаг: уверенный — юности, усталый — старика, бегущий — страха.

Они шли ко мне, и от них пахло грозой. Их тяжесть была не в весе, а в грузе решений. Я согнулся, закрипел, напоминая: одно движение — и связь порвется.

Но они не боялись. Они шли как одно целое. Их доверие стало балками, крепче дубовых. Их взгляды, брошенные через плечо, — веревками, что держали последнего.

Они прошли. И я, старый, почти истлевший, почувствовал, что стал прочнее. Ибо пока по мне идут те, кто связан волей, я — не просто скрипящие доски. Я — Путь.

Часть вторая

Дорога испытаний

Глава 6. Шепот камней

Впереди темнели сумерки, пахло влажным камнем, а снизу доносился глухой рев — не то зверя, не то ветра. Камни под ногами были скользкими, земля предостерегала об опасности.

Ночь сгущалась, становясь плотной и липкой. Даже кожаный амулет на шее Симарва — мешочек, собранный его невестой, — отяжелел, вобрав в себя усталость этих дней. Внезапно под ногой хрустнула коряга; Симарв едва не растянулся в грязи, но удержался, стиснув зубы.

Радан, не оборачиваясь, коротко хмыкнул:

— Мог бы и предупредить, что тут засада.

Он шагнул вперед, ногой отбросил ветку с тропы — сметал с пути не просто сучья, а все, что цеплялось за них с начала странствия. Движение его было отточенным, почти неуловимым, и в этой точности таилась особая сила, подобная знанию охотника, изучившего каждую ловушку в лесной чаще.

Дивир молча последовал за ним, а Симарв, вытирая ладони о штаны, пробормотал что-то на своем наречии — не то древнее заклинание, не то ругательство.

Внезапно из тумана вылетела стая воронов. Одна, с белым пером, спикировала к Симарву. Перо упало к его ногам. Знак или вызов? Он поднял его, сжал в кулаке — и в тот миг показалось, будто чья-то незримая рука коснулась его плеча.

Дорога оборвалась у самого обрыва. Внизу бушевал поток, торчали камни-клыки. Над пропастью змеился единственный корень — тонкая, ненадежная нить. Радан прыгнул первым, вцепился в шершавое дерево и повис, раскачиваясь над бездной. Под его весом корень задрожал, выгибаясь дугой, но выдержал.

Пальцы скользили по коре, мох лип к ладоням, кровь выступила там, где кора содрала кожу. Внезапно он нащупал что-то твердое. На камне кто-то прочертил три выщербленные полосы, похожие на следы когтей. Не просто метка, а предостережение: за каждый шаг здесь придется платить.

Сжав находку в кулаке, Радан двинулся дальше, перебирая руками по шершавому корню. Внезапно под левой ладонью кора подломилась. Резко дернувшись всем телом, он едва удержался, и в груди у него что-то надорвалось, оборвав дыхание.

Симарв полез следом. Рука не нашла надежной опоры, пальцы соскользнули со мшистой коры — и сердце провалилось в пустоту. В последний миг он впился в сучок. Раздался сухой хруст — сук подался, но не отломился, а лишь повис на полоске коры. Цепляясь локтями и коленями за шершавый ствол, Симарв судорожно перехватился за надежный выступ выше. Только тогда он смог выдохнуть и разжать пальцы. На сломе сучка проступал резной знак, похожий то ли на коготь, то ли на руну. Сунув обломок за пояс, он почувствовал, как под ложечкой холодно сжалось: *«Не иначе как предостережение»*. Мысль впилась, и отогнать ее уже не вышло.

Остаток пути он преодолел медленно, с мертвой хваткой, не доверяя больше ни одному выступу, пока наконец не выкарабкался на твердую землю.

А Дивир застыл на краю, вглядываясь в клубящуюся мглу. Из тумана выплыла тень — исполинская, с парой пылающих углей вместо глаз. Рохдулай. Чудище не нападало, лишь встало на пути нерушимой преградой. Дивир разжал онемевшие пальцы, снимая лук с плеча с выверенной, почти мучительной медлительностью. Но пальцы не слушались, скользя по тетиве: *«Что ты для меня теперь — спасение или проклятие?»*

Рохдулай издала гулкое ворчание, будто в глубине катались каменные глыбы, и растворилась в воздухе, оставив после себя лишь едкий шлейф гари и полыни.

Дивир перешел по корню, не оборачиваясь, с сосредоточенной точностью канатоходца, знающего: единственный взгляд через плечо — и бездна навсегда утянет его в свою пустоту.

На том берегу Радан все еще сжимал в руке камень. Ладонь ныла, будто в ней затаилась память о всех прежних ранах.

Камень, тяжелый, как чужая вина, сорвался в воду. Он не утонул, а поплыл, рассекая поверхность, и за ним потянулась алая дорожка — река отторгала вложенную в него боль.

Симарв, тяжело дыша, вынул из-за пазухи перо и сломанный сучок, но голос изменил ему. Слова, будто осколки, впились в горло, не давая пробиться наружу.

Дивир провел пальцем по тетиве. На ней проступило черное пятно, точь-в-точь как от когтя. Сердце сжалось в ледяной комок: *«Это предостережение? Или знак, что я еще дышу?»* — и он не знал, какой ответ страшнее.

Впереди стелился туман, и в его пелене шаги отдавались эхом чужого присутствия — незримый спутник шел плечом к плечу.

Из-за валуна мелькнула белая кошка, глянула каждому в глаза и исчезла в расщелине, оставив на камне отпечаток лапы с крошечной бусиной черного янтаря.

Радан поднял ее. И в тот же миг откуда-то издалека донесся вой — короткий, безжалостный, словно приговор. От него по спине пробежал ледяной холод.

Ночь навалилась сразу, без сумерек. Ветер гнал по ущелью клочья тумана, и в их кружении рождались и таяли чужие силуэты. Костер не горел, а лишь сипел влажным дымом, насыщая воздух горьким вкусом тревоги.

Симарв перебирал в пальцах перо и сучок. Стоило им соприкоснуться, как огонь вспыхивал чуть ярче, но он не решался рассказать о находках. Боялся: стоит облечь их в слова — и хрупкая магия рассыплется прахом.

Радан сидел на корточках, не отрывая взгляда от ладоней. На одной — свежая ссадина, на другой — след когтей, память о схватке с корнем вписалась в кожу.

Кровь не желала сворачиваться. Он смотрел, как алая нить ползет по запястью, прочерчивая на коже забытый знак. Запах железа, острый и первобытный, висел в воздухе — точь-в-точь как в детских кошмарах.

И тогда он вспомнил слова отца: *«Кровь — это память рода, не дай ей пролиться зря»*.

Радан сжал кулак, и на миг узор на его руке забился в такт пульсу — живой, чужой. Кровь исчезла, впитавшись в ладонь. Он замер: *«Это я? Или нечто, притаившееся во мне?»*

Дивир перебирал тетиву. Черная метка расплзалась, живая, ползучая, впиваясь под ногти. Когда он натянул лук, из тетивы вырвался тонкий вой — звук, рожденный в диких глубинах, от которого кровь стыла в жилах.

«Что, если теперь лук ведет меня, а не я его?» — мелькнула мысль. Дивир вздрогнул и отшвырнул оружие, но слова застряли в горле, как кость.

Тишину разорвал треск — не то ветка, не то кость. Костер вспыхнул, и тени взметнулись по скалам, словно когти.

Из тумана вырвались волки — громадные, сотканые из ночи и ярости. Глаза их пылали желтым огнем, пасти были искажены оскалом, а шерсть висела клочьями, будто их не раз разрывали на части и вновь собирали.

Радан шагнул вперед, чувствуя, как страх сжимает грудь. Первый волк бросился на него. Воин не отступил, встретив зверя с клинком наперевес. Тот отпрянул, столкнувшись с незримой преградой. На земле проступил кровавый узор — точное отражение знака на его руке.

Симарв выхватил перо. Рука дрожала, ладонь вспотела. Он швырнул его в огонь, почти не веря, что это что-то изменит.

Пламя взвилось, ослепив всех. Волки завyli, попятились, в глазах их плясали оранжевые блики. Симарв подумал: *«Вот зачем я его берег. Для одной этой ночи»*.

Один волк рванулся к нему, но Симарв выставил вперед сучок с резным знаком. Зверь зарычал, не решаясь приблизиться, и заходил кругами, не сводя желтых глаз.

Дивир натянул лук. Метка на тетиве вспыхнула, как уголек в золе. Стрела вырвалась, и на миг ему показалось, что летит она не во врага, а в его собственную тень. Волк взвыл и исчез, оставив после себя полосу тьмы. Дивир опустил лук, чувствуя, как в груди что-то отпускает.

Тишина повисла густо. Слышно было, как кровь капает на камни. Запах паленой шерсти жег ноздри. Радан перекачивал в пальцах бусину — та светилась, как глаз ночного зверя. В ее мерцании он разглядывал свою ладонь, будто впервые видел эти прожилки и шрамы. Симарв сжимал сучок, пытаясь прочесть в его изломах скрытый смысл. Дивир не выпускал лук из рук, пальцы замерли на тетиве. Они хранили молчание, но в этой тишине звучало больше, чем во всех ночных разговорах.

Где-то вдали снова раздался вой — в нем слышались их имена, вытянутые, как нити в ночном воздухе.

Дни тянулись, словно незаживающие раны. Горы росли, ночи становились длиннее, а молчание между ними — гуще.

Каждый из них изменился, будто сама тропа впиталась в кровь: Радан стал молчаливее и внимательнее, Симарв вспыхивал неугомонным огнем, Дивир очерствел, подобно скалам, что веками хранят свои тайны.

Порой им казалось: дорога ведет не вперед, а вглубь — в самые потаенные уголки их страхов, туда, куда даже духи заглядывают украдкой.

Вещи, доставшиеся им на пути, приросли к душе второй кожей. Никто не решался говорить о них вслух, опасаясь услышать собственные опасения, облеченные в плоть слов.

На рассвете, когда туман стелился по ущелью покрывалом забвения, Симарв различил чужой шорох. Из тени выполз змей — черный, с белым пятном, словно клеймо ночи. Он пополз к Симарву, и тот сжал в ладони сучок, не зная, поможет ли древний знак. Змей поднял голову, зашипел. В тот же миг Симарв провел резьбой по земле — трава почернела, а змей растаял в воздухе. Но в груди осталась ледяная пустота: *«Это я сделал? Или просто случай спас?»* Ответа не было, лишь холод под ребрами напоминал: за каждую силу платят.

В другой раз, спускаясь по склону, Радан оступился. Земля ушла из-под ног, понесся его к острым камням. В последний миг он выставил вперед ладонь с кровавым узором. Камни под пальцами вдруг стали мягкими, как воск. Он скользнул и замер на самом краю. *«Чуть не погиб... Или меня хранят духи гор?»*

На месте прикосновения осталось темное пятно, похожее на запекшуюся кровь. Трава вокруг густо поднялась, вобрав в себя боль и страх. Радан провел пальцем по узору: *«Не отпущает. Что ты такое, метка?»* Ответа не было — лишь тревога, что не уходит.

Дивир вскоре заметил перемены в своем луке: стоило натянуть тетиву с черной меткой, как стрела уходила тише тени и неизменно находила цель, даже скрытую за скалой.

Он проверял лук снова и снова, молча, с привычной хмуростью: *«Слишком просто. Не по мне это. Но если поможет им...»*

Одной ночью, когда вой окружил лагерь, Дивир выстрелил в самую густую тьму. Стрела, ведомая незримой силой, поразила невидимого зверя. Волки разбежались, оставив на земле черную полосу — след исполинского когтя.

Дивир не проронил ни слова, лишь сжал плечи, глядя на лук: *«Может, это и есть ответ? Или я стал пешкой в чужой игре?»*

Они шли тропой Кажа сквозь собственные испытания, и каждый шаг давался труднее. Тревога за близких точила Дивира изнутри: *«Дух явно не желает нам гибели. Проверяет? Но к чему?»* Мысль жгла сильнее огня: *«А если не справлюсь? Не смогу защитить?»* Ответа не было — только бесконечный путь.

Под вечер они остановились у старого дерева с вывернутыми корнями, похожего на скрюченную руку дива. Радан достал бусину из черного янтаря. Когда он повертел ее в пальцах, из камня хлынул свет, озарив лица друзей.

В этот миг каждый увидел свое:

Дивир — аул, окутанный тенью. Сердце сжалось: *«Живы ли они без меня?»*

Радан — младших братьев на краю пропасти. Пальцы сомкнулись в кулаки: *«Только бы не сорвались».*

Симарв замер перед каменными столбами с пустыми глазницами. Холодная дрожь пробежала по спине — перед ним предстала его собственная душа, обнаженная и беззащитная.

— Ты тоже это видишь? — прошептал Симарв, не отрывая взгляда от янтаря.

— Вижу, — глухо отозвался Дивир.

Радан сжал бусину — свет погас.

— Это не просто вещи. Они связаны с тем, что мы прячем внутри.

Он посмотрел на друзей долгим взглядом, полным немой заботы. *«Я должен удерживать их вместе».* Но в груди бурлила тревога — не о себе, о них.

Проведя пальцем по узору на ладони, Радан убедился: знак не исчез.

— Не случайность. Не могут все эти знаки быть просто игрой случая. Волки, кровь, корни... Все это идет за нами по пятам.

Симарв усмехнулся, но в уголках губ зазмеилась горечь:

— Ну что, братцы, опять за нами тянется какая-то напасть.

В голосе его звенела усталость, словно струна, готовая лопнуть.

Дивир молча натянул тетиву, вслушиваясь в ночную тишину. Где-то далеко вновь раздался вой, и каждому показалось, что этот зов обращен именно к нему. Он сжал лук: *«Если что — прикрою. Всегда прикрою»*. Но даже привычная решимость не принесла покоя.

Радан поднял взгляд:

— Пока не поймем, что значат эти знаки, дорога не откроется. Они — часть нас. Или наш долг. Или наша беда.

«Главное — не потерять себя. И их не потерять», — промелькнуло у него внутри.

Но ночь сгущалась, и казалось, за каждым шагом по пятам идут не только тени, но и собственные страхи.

Сумерки. Трое шли по узкому карнизу: под ногами — предательская осыпь, над головой нависли скалы, словно зубы хищника. Внезапно сверху обрушилась лавина — грохот, пыль, острые обломки.

Радан бросился вперед, но скала ушла из-под ног. Он повис на краю, вцепившись одной рукой, земля сыпалась сквозь пальцы. *«Вот и все... Нет, еще не время!»*

Симарв кинулся к нему, но камни сыпались все сильнее, отрезая путь.

Он отчаянно оглянулся: *«Только бы успеть!»*

Дивир на вдохе вскинул лук. Черная метка на тетиве вспыхнула, стрела пронзила воздух, и крупный камень с грохотом разлетелся, открывая проход. Он действовал на чистом порыве: *«Держись!»* Но даже в этот миг леденящая догадка сжала ему горло — смерть скользила рядом, осязаемая и близкая.

Симарв схватил Радана за руку, но тот продолжал соскальзывать. Тогда Симарв сжал в другой руке сучок с резным знаком — и корни у края осыпи ожили, потянулись, обвили запястье Радана, не дав сорваться. По руке пробежал холодок: *«Спасибо, духи»*. Но в глубине души он понимал: дар духов — не защита, а новое испытание.

Радан, задыхаясь, подтянулся. На его ладони кровавый узор пульсировал раскаленным рубцом. Он сжал кулак — и каменная порода под ногами обрела плотность, приняв его тяжесть. Сдавленный выдох вырвался из груди:

— Ну что, гора, ты со мной или против?

Ответом было лишь эхо, уносившее слова в бездну.

Когда пыль осела, трое стояли на карнизе. Каждый сжимал свой трофей, понимая: эти вещи только что спасли им жизнь.

Дивир смотрел на лук: *«Пока работает — не отпущу»*.

Симарв сжимал сучок: *«Я не подведу»*.

Радан ухмыльнулся, проводя пальцем по ладони: *«Вот так подарочек!»*

Но в каждом жила одна мысль: *«Сколько еще раз судьба даст нам шанс?»*

Камень-предатель

Я — ложь в теле горы. Я кажусь твердым, но во мне живет пустота. Я жду. Стопы путников — моя пища. Их доверие — моя победа.

Его нога была твердой и уверенной. Он шел, как идут по спинам предков. Но я — не предок. Я — соблазн. Я подался, притворился опорой, чтобы подарить падение.

Но он не проклял меня. Он ухватился, и его пальцы, сдирая кожу, написали на моей поверхности кровью: «Я знаю о тебе». И в этот миг его боль стала честнее моей твердости. Он признал мое существование. И от этого признания во мне треснула вечная ложь.

Глава 7. Раны прошлого

Они продолжили путь. Тропа вела к подножию скалы, затем поднималась в лес. Склон резко обрывался, и дорога терялась в буреломе. Все вокруг носило следы гнева Часажи — стволы деревьев лежали вывороченными, ветви были сорваны и разбросаны невидимой силой, прошедшей здесь яростным ураганом.

Симарв шел впереди, сжимая в руке резной сучок. Внезапно лес сомкнулся: ветви сплелись в стену, небо исчезло, воздух загустел. Тропа разветвилась, и кабанец остался один. Ни Радан, ни Дивир не отзывались.

Он замер, чувствуя, как страх поднимается к горлу. В голове зашептали чужие голоса: *«Заблудись. Не найдешь выхода»*.

Симарв сжал сучок — узор на нем вспыхнул хрупким светом. В этом сиянии он увидел между деревьями тонкую тропку. *«Если сверну — исчезну? Или стану собой?»*

Он шагнул вперед, не оглядываясь. Сучок выпал из пальцев, исчез в траве, но страх уступил место упрямой силе. *«Я иду не потому, что велят духи. Я иду, потому что иначе не могу»*. Лес расступился. Впереди лежала долина, а вдалеке — аул. Но был ли это выход или новая ловушка?

Радан задержался у ручья. Вода ледяная, обжигала ладони. Он наклонился попить, когда из кустов выскочил кабан — огромный, с пеной у рта.

Юноша бросился в сторону. Кабан мчался следом, не давая отдышаться. Радан вспомнил об узоре на ладони. Он вытянул руку вперед — кровь на коже вспыхнула багровым светом.

Кабан застыл, рыча, но не решился приблизиться. Из-под земли вырвались корни, оплели копыта зверя. Тот вырывался, но вдруг осел и исчез в чаще.

Радан тяжело дышал, изучая ладонь. Узор побледнел. *«Я не бегу. Я сам решаю, когда сделать шаг»*. Впервые за долгое время он не отвел взгляда от собственной тени.

Дивир шел по краю оврага. Туман стелился по земле, цеплялся за сапоги.

Из белесой пелены вышла фигура в черном, с глазами-головнями. Рохдулай.

Дивир не дрогнул. Спокойно поднял лук, натянул тетиву. Черная метка забила в такт его сердцу — живая, неотделимая от него.

Рохдулай протянула руку, и из лука вырвалась тень, похожая на коготь. Она пронзила туман, и видение исчезло, оставив лишь запах гари.

Дивир опустил лук. Метка стала тоньше, но светилась ровно, отражая покой ночи.

«Я принял свою тень. Я тот, кто есть». Впервые за долгое время ему стало легко дышать. Но где-то внутри осталась тревога: *«Что, если это только начало?»*

Трое встретились на краю долины. Перед ними аул: сакли без крыш, окна пустые, двери сорваны.

В этот миг каждый почувствовал: испытание завершилось. Не потому, что исчезла опасность, а потому, что внутри стало тише. Страх остался позади, в трещинах скал и их собственных тенях.

К ним навстречу вышел белый кот, взобрался на валун и обратился в змея.

Каж сверкнул янтарными глазами:

— Каждый из вас сделал шаг навстречу себе. В горах вы нужны друг другу не только силой, но и честностью. Вы подходите ей.

Он исчез. Лишь клочок белой шерсти остался на камне, пока ветер не унес его.

— Что он имел в виду? — спросил Дивир, вглядываясь в пустоту.

Радан пожал плечами:

— Кто ж разберет.

Тишина повисла между ними, полная вопросов без ответов. И в этой тишине уже дышала новая угроза.

Они вошли в аул по главной тропе, и тишина поглотила их шаги.

Тропа, извивающаяся меж каменных гробниц забытых сакль, была подобна живой нити, связующей мир живых с царством безмолвия. Воздух, густой от пыли веков и горькой полыни, обжигал гортань. Каждый камень под ногами, каждый обломок глиняного кувшина, валявшийся в пыли, кричал о внезапно оборвавшейся жизни. Симарв, обычно столь язвительный, молчал, ибо даже его отточенное неверие тонуло в этой давящей тишине, гуще горного тумана. Он ловил себя на мысли, что впитывает это забвение всей душой — подобно сухой земле, жадно пьющей дождь. И внутри рождалась не боязнь, а холодная, всепоглощающая ярость.

Ветер-страж гонял пыль и колючие ветви по пустым улочкам, а на застывшей у порога глиняной кружке лежал отпечаток ладони. Но не человеческий. Контур его был прочерчен мелкими, причудливыми морщинами, сквозь которые проступал узор — дерево с корнями-бороздами.

Радан, побледнев, замер на миг, затем разжал ладонь, смотря на едва затянувшийся рубец. Узоры были идентичны.

— Она уже была здесь, — прошептал он. — Она знала, что мы придем.

Ветер в ответ донес до них тихий, сухой смешок, сорвавшийся с обрыва.

Симарв бросил:

— Здесь что-то осталось. Не только страх.

Голос его прозвучал глухо, придавленный тяжестью молчания.

Радан сжал кулак, кивнул, а внутри, в глубине, пронеслось:

«Теперь и я остался. И я — не один».

Но он не позволил себе ни дрожи, ни слабости, только шаг вперед, туда, где каждый дом хранил следы былой жизни.

Путники бродили меж опустевших улочек, где трава пробивалась сквозь потрескавшийся камень, а ветер таскал по дворам клочья сухих трав и обрывки корзин, давно потерявших форму.

С каждым шагом чувство, что за ними наблюдают, нарастало: из темных дверей, из-под навесов, где когда-то сушили травы, из-за угла. Но стоило задержать взгляд, и все исчезало, оставляя лишь пыль и звенящую тишину, в которой даже воробьи боялись чирикнуть.

— Еще один аул сгинул из-за равнодушия старших богов, — вырвалось у Симарва, и слова, сорвавшиеся с губ, прозвучали кощунственно громко, оскверняя святую тишину смерти. Он чувствовал, как гнев пульсирует в висках, смешиваясь с отчаянием. Он сам стал частью этого забвения.

Дивир шагал чуть позади, не поднимая взгляда.

Сердце сжималось от до боли знакомой тоски: в каждом оставленном очаге, в каждой распахнутой настежь двери ему виделся его собственный дом, его мать, застывшая у порога в немом ожидании.

— Ты можешь ошибаться, — проговорил он почти шепотом, боясь потревожить покой мертвого аула. — Не стоит винить их без причины.

Симарв резко обернулся. В его глазах застыли раздражение и усталость, а под ними таился страх, что все напрасно, что их путь — лишь круги по выжженной земле.

— Тебе ли быть таким смиренным, Див? Это ведь твой аул в опасности, а мы столько дней плутаем в ловушке духа. Кто знает, куда нас увела та тропа?

Тяжелая ладонь Радана легла ему на плечо, не позволяя сорваться в пропасть исступления. В прикосновении не было ни гнева, ни укора, лишь кремневая усталость, тяжелее любой бурки.

— Хватит, — его голос прозвучал подобно подземному гулу. — Не бреди рану. От этого никому не легче. Лучше думать, куда идти.

Он был их якорем, их немой скалой, но и в его душе копошились черви сомнений. «А если и наша тропа не та? Если мы идем не к спасению, а к такому же концу?» Мысли были остры, как лезвие кинжала, но он загнал их глубоко внутрь, заставив себя выпрямиться. Его долг — вести, даже если ведет он в кромешную тьму.

Симарв коротко хмыкнул, сбросил с плеча руку и шагнул вперед — порывисто, резко, точно пытался оставить за спиной не только спутников, но и часть самого себя.

Они шли дальше, и лишь шелест их шагов по иссохшей траве нарушал гнетущее безмолвие.

Пыль цеплялась к чарыкам, паутина — к рукавам, а въедливый запах тления и прогорклого масла пропитывал одежду, въедался в кожу, становясь частью их самих.

Внезапно где-то наверху, на краю обвалившейся кровли, скрипнула балка. Звук был крошечным, но в мертвой тишине он грянул, как удар грома. Все трое вздрогнули, застыв на месте; спины их выпрямились, а руки сами потянулись к оружию. Сердца заколотились, выбивая дробь тревоги. На миг им почудилось, будто из-за угла донесся сдавленный шепот, в котором слились воедино их имена.

Так они набрали на годекан: пустую площадь посреди моря бурьяна, что поднимался почти по пояс. И в центре, на обломке скамьи, будто проросшей сквозь камень, сидел старец. Бурка его была испещрена заплатами, словно карта всех прожитых лет, а папаха — бела, как первый снег на вершинах.

Лицо его было изборозжено морщинами — глубже горных ущелий. Борода казалась длиннее, чем память аула, а взгляд тонул в пустоте, лишенной света и времени.

— Мир тебе, отец, — почти в унисон произнесли путники, и даже Симарв склонил голову ниже обычного.

Старик медленно повернулся к ним, и движение это было тягучим и древним, как оседание гор. Казалось, он смотрит не на них, а сквозь них, видя все их прошлые грехи и будущие муки.

Радан вдруг почувствовал себя нагим, словно с него содрали кожу вместе со всеми тайнами.

Симарв попытался что-то спросить, но слова застряли в горле, а пальцы Дивира так впились в лук, что из суставов ушла кровь.

— И вам мир, — наконец произнес аксакал, и голос его был стар, как скалы, и тих, как вода в глубоком колодце.

Юноши засыпали его вопросами: что случилось с аулом, куда подевались люди?

Старик долго молчал, всматриваясь в них. Его взгляд, казалось, ощупывал не только их лица, но и души.

— Разные... — прошептал он наконец, и его голос, дребезжащий и тихий, был полон неизбывной горечи. — Маарец, вулгуни, кабанец... И говорите меж собой на урукха. Слышу я его сквозь ваши родные акценты. Язык железа и приказа. Мост, что мы вынуждены были построить через пропасти наших же распрей. И самое печальное... что без него вам теперь не обойтись.

Старик молчал, всматриваясь в самую их суть, выискивая ту единственную нить, что могла дать ему надежду или, наоборот, отнять ее навсегда.

— Не всякая тропа ведет домой, — произнес он наконец.

Слова эти упали меж них тяжелым каменным грузом, отозвавшись эхом в самых потаенных уголках душ.

В груди у Радана все сжалось. *«Ведет ли наша тропа домой?»* — пронеслось в голове, но он отогнал слабость, как назойливую муху.

В этот миг позади них с грохотом хлопнула ставня, заставив вздрогнуть даже непоколебимого маарца. Казалось, сама память о былом не желала их отпускать, требуя расплаты.

Старик поднялся. Его движения со скрипом нарушали тишину, словно поворачивались ржавые ворота в прошлое. Властным взмахом руки он повелел следовать за собой. Его ганса

отстукивала по камням мерный такт, и этот стук эхом отзывался в пустых глазницах домов. Тени былых жителей вышли проводить их в последний путь.

Он привел их к крайней сакле, одиноко стоявшей на краю пропасти, словно последний часовой на заброшенном посту. Дверь скрипнула, открыв темноту, пахнущую пылью, сухими травами, старым хлебом и горечью воспоминаний — густой, как невыплаканная тоска.

Внутри, в скудном свете, что пробивался сквозь закопченное окно, на стене висела потертая бурка, в углу стоял потрескавшийся кувшин, а на полке тускло поблескивала деревянная миска с засохшими, сморщенными ягодами.

Старик снял свою бурку и повесил ее рядом, затем бережно принял оружие гостей. В этом жесте было больше доверия, чем в сотне слов.

Он усадил их за грубый стол и снял покрывало со скудной трапезы: лепешка, кусок белого сыра, несколько вяленых яблок и горсть орехов.

Симарв взял кусочек сыра, и вдруг острое, забытое воспоминание ударило его в сердце: теплый очаг, смех братьев, мать, режущая сыр на грубом столе... В горле встал ком, но он лишь стиснул зубы, чтобы не выдать себя.

Слабость была роскошью, которую он не мог себе позволить.

После трапезы старик закурил трубку. Тяжелый, пряный дым закружился в хижине, принимая причудливые формы былых времен. И он начал свой рассказ — неторопливый, обволакивающий, как тот самый дым.

Когда-то аул был богат и находился под покровительством Великой Богини-Матери Алмасты.

Та даровала богатые урожаи и удачу в охоте, но год назад что-то прогневало ее, и она покинула эти земли.

Вскоре в скалистых горах поселилась Рохдулай. Она наслала мор на скот, а по ночам стала наведываться в аул, губя каждого, кому не посчастливилось взглянуть на нее.

Не успели люди опомниться, как юноши и девушки начали сгорать в лихорадке. Остальные либо бежали, бросая все, либо бесследно исчезали. Остальных же погубила Рохдулай, пока аул не опустел окончательно.

Последний житель оказался злему духу неинтересен. Рохдулай перестала наведываться в аул. И сколько бы аксакал ни ждал своего последнего часа — прошло уже много лун, — в его родном ауле царило безмолвие, и более зло не навещало его.

— Я помню, как пах хлеб, когда мать вытаскивала его из печи, — тень улыбки тронула густа старика, но в глазах стояла боль, густая и темная, как ночь без луны. — Теперь печи холодны, а дети ушли следом за тенью.

Дивир сжал под столом кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладонь. Его собственная боль, боль за свой аул, смешалась с этой всепоглощающей скорбью.

— Почему вы остались? — выдохнул он, и голос его звучал глухо, прерывисто.

— Кто-то должен помнить, — просто ответил старик. — Память — все, что у меня осталось.

Когда путники рассказали о своей цели, старик долго молчал, и в его взгляде читалась бездонная жалость.

— Многие храбрецы уходили по этой тропе, — произнес он наконец. — Никто не вернулся. Не всякая тропа ведет домой. А иная ведет туда, откуда дома кажутся лишь сном, который ты забыл, едва проснувшись.

В его голосе не было ни укора, ни надежды.

Только память. Только тишина. Только дым от трубки, что вился в углу, словно душа, не нашедшая покоя.

Дивир поднялся. В его глазах застыли упрямство и усталость, накопившиеся за долгие ночи.

— Если не мы, то кто?

Он не любил лишних слов, но сейчас молчать было нельзя.

«Я не позволю страху сковать меня. Пусть лучше погибну в горах, чем вернуться с пустыми руками».

Симарв кивнул коротко, по-мужски, но взгляд его задержался на окне, где когда-то светился домашний огонь.

«А если я не вернусь? Если она так и не дожидается? Я ведь обещал».

В груди у него закололо — не страх смерти, а страх не сдержать слова перед той, что ждет в родном ауле.

Радан перебирал в пальцах бусину, лицо его оставалось спокойным, почти каменным.

«Слова — это ветер. Главное — не дрогнуть, когда придет час. Я не для того рос в этих горах, чтобы отступить перед тенью».

Он бросил короткий взгляд на товарищей: *«Пусть каждый держит себя в руках — только так дойдем».*

— Дадим слово, — сказал он так твердо, что дрогнул воздух в хижине, — никто не отступит, даже если дорога ведет в ночь.

Ночь прошла в безмолвии. За окнами шелестел ветер, вселяя мысль о незримом страже, обходящем жилище в поисках малейшей трещины в их решимости.

На рассвете аксакал вернул им оружие, вручил лепешки с сыром, кувшин воды и веревку из лыка чинары.

— Пусть дорога будет легче, чем эти горы, — сказал он, и в голосе прозвучало все: тревога, надежда, прощание.

Путники поклонились до земли.

Симарв украдкой коснулся веревки — *«Пусть этот узел напомнит мне о доме, о ней. Пусть даст силы не свернуть».*

Радан сжал бусину — *«Я не подведу».*

Дивир поднял взгляд к горам, где уже сгущалась новая тень.

— За нами следят. Я чувствую.

За воротами сакли воздух был холоден и прозрачен, как вода в горном ручье.

Но стоило сделать шаг, и вдалеке, в зарослях, что-то шевельнулось — быть может, лишь игра усталого взгляда и напряженного ожидания, готового увидеть угрозу в каждом движении тени.

И никто из них не знал, увидят ли они когда-нибудь родные аулы или навсегда останутся лишь очередной легендой, укоренившейся в памяти этих безжалостных гор.

Тропа впивалась в скальный бок узким шрамом. Горный ветер, вечный хозяин высот, бил в лица, вырывая из груди воздух со свистом отпущенной стрелы. Шедший позади Симарв чувствовал, как ледяное оцепенение поднимается от пальцев к локтям, и каждый шаг требовал усилия, будто ноги отяжелели, наливаясь свинцом.

Впереди идущий Радан неожиданно оступился. Камень под его ногой с сухим треском обрушился в пропасть, поглощенный бездонной и безмолвной тьмой. На миг он повис над пустотой, и только стальная хватка Дивира, успевшего в последнее мгновение вцепиться в его запястье, удержала воина от падения.

— Смотри под ноги! — прошипел вулгуниец, и в его голосе сквозь напряжение прорвался страх — не за себя, а за товарища.

Радан молча кивнул, отшатываясь от края. Стыд и ярость пылали у него внутри, но на лице не дрогнул ни один мускул. Нельзя ошибаться. Никогда.

Внизу, в густеющих сумерках, что-то снова зашевелилось. И на миг им показалось, будто из темноты на них уставились два бледных, холодных огонька. Или это просто померещилось?

Тень от горы

Я — Вечный Спутник. Я рождаюсь и умираю каждый день, подчиняясь неумолимому ходу светила. Я — доказательство того, что даже у горы есть вторая, темная сторона.

Сегодня я медленно ползу по склону, и они идут во мне. Они думают, что идут в свете заката, но солнце уже не греет их лбы. Оно греет их затылки. Они идут в моих объятиях.

Я — не угроза. Я — напоминание. Я показываю им их же искаженные, вытянутые силуэты. Смотри, — говорю я Радану, — твоя тень длиннее тебя самого. Ты несешь в себе больше, чем можешь унести. Смотри, — шепчу я Дивиру, — твоя тень цепляется за камни, как за старые молитвы. А твоя, хитрец, — убегает вперед, будто хочет найти короткую дорогу.

Они боятся темноты впереди, но не видят, что уже находятся в ней. И это правильно. Чтобы победить тьму, нужно сначала научиться быть ее частью. Не гостем. Не пленником. А тенью от горы. Неотъемлемой, вечной.

Глава 8. Пламя и прах

Когда ночь окончательно поглотила мир, тропа растворилась вовсе. Осталась лишь круча, уходящая в черноту, нависающую над бездной. Они устроились на крошечном выступе, закутавшись в бурки, которые сейчас казались тонкими, как паутина. Ветер выл, и в его голосе слышались древние проклятия и шепот забытых божеств.

Симарву снился дом — свет в окне, ее лицо, ее руки, что ждут.

«Я вернусь, слышишь? Я должен».

Радану снилась кровь на ладони — *«Я должен быть сильнее. Я не позволю больше никому пострадать».*

Дивир не спал — он слушал ночь, вглядываясь в каждый шорох, в каждый отголосок опасности.

«Я — глаза и уши этой тропы. Я не имею права на усталость».

Симарв вдруг увидел во сне женщину в белом на краю обрыва. Она смотрела сквозь него, а в ее глазах отражался костер.

Он проснулся в холодном поту, сердце колотилось: *«Только бы не забыть, ради чего и ради кого я иду».*

Утро застало их бледными, молчаливыми, с синевой под глазами.

— Вам тоже что-то... чудилось? — сорвалось наконец у Симарва.

Ответом ему было лишь упрямое молчание. Каждый носил свое внутри и не спешил выпускать на волю.

Они двинулись дальше, цепляясь за острые, как бритва, выступы скал. Ветер стонал, воздух редел, а в ушах стоял непрерывный, высокий звон.

Мысли сплелись в единый мотив, отбивавший такт усталым сердцам.

Симарв: *«Еще немного. Ради нее».*

Радан: *«Я не сдамся».*

Дивир взбирался первым, не оглядываясь. Вера была его щитом, но и на нем появлялись трещины.

К вечеру, когда силы были уже на исходе, они нашли ее. Пещеру. Ее темный зев, казалось, дышал им навстречу, источая запах влажного камня и чего-то древнего, звериного. Изнутри доносилось мерное падение капель, вторившее стуку изношенных сердец. Тьма внутри манила и пугала, суля забвение и, возможно, конец.

Они рухнули на разбросанные у входа овечьи шкуры, пахнувшие потом и дымом, и провалились в пучину тяжелого, беспмятного сна, унося с собой в забытие единственную мысль: *«Ради чего все это?»*

Ближе к ночи среди скалистых гор разнесся грохот. Задрожала земля, со сводов пещеры посыпались мелкие камешки. Юноши вскочили, еще не до конца осознавая происходящее; сердцебиение вырывалось из груди. Гул нарастал, приближаясь, заполняя собой все вокруг, вдавливая их в землю. Сомнений не оставалось: это была Она. Рохдулай.

Дивир, движимый слепой, почти отчаянной верой, схватил бурдюк. Тот самый, с мутным злаковым бульоном, что они берегли все эти долгие дни. От жидкости исходил кисловатый, затхлый запах — запах отчаяния и последней надежды. Он разлил ее по черпакам; руки его дрожали, но не от страха, а от яростного желания действовать.

Симарв, бледный как полотно, зарылся в груды звериных шкур, стараясь стать невидимым, раствориться, исчезнуть. *«Лишь бы не увидела. Лишь бы не заметила».*

Радан и Дивир, обменявшись краткими, понимающими взглядами, встали по обе стороны от входа, словно каменные стражи. Они завязали себе глаза грубыми повязками — зрелище ее лика было верной смертью, это они знали из рассказов. В одной руке каждый сжимал

черпак с вонючей жидкостью, в другой — холодную рукоять кинжала. Они замерли, превратившись в слух, в ожидание, в средоточие ужаса и решимости.

Грохот прекратился так же внезапно, как и начался. Воцарилась звенящая, давящая тишина. И сквозь нее пробился новый звук — тяжелое, хриплое дыхание, будто кто-то гигантский пытался вдохнуть воздух, густой как кисель. У входа послышалось шарканье, скрежет когтей по камню.

Она не заставила себя ждать.

Тень заполнила проход, и в следующее мгновение Рохдулай вошла. Едва ее исполинское тело пересекло порог, как на него обрушился ливень из вонючего злакового отвара. Радан и Дивир двинулись как один, кинжалы нацелены в самую гущу мрака. Но их ярость разбилась о невидимую, несокрушимую преграду. Нечто тяжелое и неумолимое, словно каменная плита, придавило их к стене, вырвав из легких воздух и волю.

Симарв с криком

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.